

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 2. С. 532–609.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 2 (2024): 532–609.

Научная статья

УДК 94(47).084.8

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-5>

EDN: TTJQK

Организация содержания военнопленных германской армии и ее союзников в СССР (на примере Череповецкого лагеря № 158)

Александр Леонидович Кузьминых

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний,
Вологда, Россия,

istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Aleksandr L. Kuz'minykh

Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vologda, Russia,

istorial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>

Аннотация. Предметом данной статьи является изучение практики содержания военнопленных германской армии и ее союзников в Череповецком лагере НКВД–МВД № 158. Особенностью данного лагеря было то, что он функционировал с 1942 по 1948 г., т.е. с начального периода Великой Отечественной войны до завершения репатриации основной массы военнопленных на родину. Это дает возможность, основываясь на историко-генетическом и историко-системном методах исследования, рассмотреть эволюцию политики советского государства по отношению к оказавшимся в его власти неприятельским военнослужащим и выявить механизмы ее реализации в отдельно взятом режимном учреждении. На основе анализа широкого комплекса источников автором проанализированы принципы внутреннего устройства лагеря и характеристики материально-бытового положения военнопленных, особенности медицинского обслуживания военнопленных; определена взаимосвязь между обеспечением военнопленных питанием, медицинской помощью, вещевым довольствием и их физическим состоянием, показателями заболеваемости и смертности; раскрыты содержание и динамика политико-пропагандистской работы среди военнопленных; показаны особенности репатриационного процесса.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, лагерь военнопленных, режим и охрана, продовольственное обеспечение, медицинское обслуживание, политическая работа, репатриация

© Кузьминых А.Л., 2024

© Kuz'minykh A., 2024

Для цитирования: Кузьминых А.Л. Организация содержания военнопленных германской армии и ее союзников в СССР (на примере Череповецкого лагеря № 158) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 2. С. 532–609, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-5>; EDN: TTJQK

Organization of the Detention of Prisoners of War of the German Army and Its Allies in the USSR (A Case Study of Cherepovets Camp no. 158)

Abstract. The subject of this article is the study of the detention of prisoners of war of the German army and its allies in the Cherepovets NKVD–MVD Camp no. 158. The specific feature of this camp was that it operated from 1942 to 1948, i.e. from the initial period of the Great Patriotic War until the completion of the repatriation of the majority of prisoners of war. That is why, the application of historical genetic and historical systemic methods, it is possible to consider the evolution of the policy of the Soviet state in relation to the enemy soldiers who found themselves at its mercy and to identify the mechanisms of its implementation in a single detention facility. Based on the analysis of a wide range of sources, the author considers the principles of the internal structure of the camp and the characteristics of the material and living situation of the prisoners of war detained there and the features of medical care for prisoners of war; the connection between the provision of prisoners of war with food, medical care, and clothing, on the one hand, and their physical condition, morbidity and mortality rates are determined; the content and dynamics of political propaganda among prisoners of war are revealed; the features of the repatriation process are shown.

Keywords: The Great Patriotic War, prisoner of war camp, custodial control and security, food supply, medical care, political work, repatriation

For citation: Kuz'minykh, A.L. "Organization of the Detention of Prisoners of War of the German Army and Its Allies in the USSR (A Case Study of Cherepovets Camp no. 158)." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 2 (2024): 532–609, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-5>; EDN: TTJQK

Введение

История войн и вооруженных конфликтов неумолимо напоминает об ответственности лиц, облеченных государственной властью, за жизнь солдат и офицеров, оказавшихся в неприятельском плену. К сожалению, в наши дни нарушение прав военнопленных по-прежнему является обыденной и жестокой реальностью. Именно поэтому исторический опыт обращения с военнопленными заслуживает самого пристального внимания.

В годы Великой Отечественной войны советскими войсками было пленено свыше 5 млн вражеских военнослужащих. После капитуляции Германии и ее союзников большинство военнослужащих противника были направлены в лагеря Главного управления по делам военнопленных и интернированных

НКВД–МВД СССР. На территории СССР оказался «лагерный интернационал», вобравший в себя представителей более 60 национальностей¹.

Подробный анализ историографии вопроса об иностранных военнопленных в СССР дан в публикациях автора настоящей статьи², поэтому остановимся лишь на ключевых моментах. В годы Великой Отечественной войны вопрос об отношении к пленным военнослужащим противника стал инструментом идеологической борьбы между Советским Союзом и нацистской Германией. Органы нацистской пропаганды запустили в оборот миф об ужасах советского плена, согласно которому любого солдата и офицера германской армии, прекратившего сопротивление и сдавшегося большевикам, ожидают страшные мучения и неминуемая гибель. В свою очередь, советские политорганы в агитационных материалах пропагандировали тезис о гуманном отношении к обезоруженному противнику и призывали военнослужащих вермахта и их союзников сдаваться в плен Красной армии, гарантируя хорошее обращение и возвращение на родину после окончания войны³.

В условиях холодной войны тема советского плена долгие годы оставалась предметом политических спекуляций. Пользуясь недостаточной информированностью своих граждан о действительном положении вещей, отдельные политики, писатели и журналисты в Федеративной Республике Германия продолжали раздувать миф о бесчеловечном обращении с пленными солдатами и офицерами вермахта в СССР.

В 1957 г. в ФРГ проблема немецких военнопленных была объявлена приоритетным исследованием, получившим поддержку на правительственном уровне. Результатом многолетней научной работы стал 15-томный коллективный труд «К истории немецких военнопленных Второй мировой войны». Семь томов этого издания описывали пребывание немецких

¹ Военнопленные в СССР. 1939–1956: документы и материалы / составители М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская. Москва: Логос, 2000. С. 12.

² *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда: Вологодский институт развития образования, 2002; *Кузьминых А.Л.* Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР: историографический аспект проблемы // СССР, его союзники и противники во Второй мировой войне: политический дискурс, историографические дискуссии, проблемы преподавания: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (21–22 апреля 2010 г.). Москва: РГГУ, 2010. С. 230–237; *Кузьминых А.Л.* Советский военный плен и интернирование как историографическая проблема // Российская история. 2012. № 3. С. 158–174.

³ *Кузьминых А.Л.* Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы). Вологда: Древности Севера, 2016. С. 286–288, 310–311.

военнопленных в Советском Союзе⁴. Авторами данного труда, опиравшимися преимущественно на материалы устной истории, полученные в процессе интервьюирования и анкетирования военнопленных, приводились данные о дислокации лагерей, режиме содержания, смертности, трудовом использовании, антифашистской работе и судебном преследовании обезоруженных солдат и офицеров вермахта. Одним из выводов исследования был тот, что советский плен, по сравнению с американским, британским или французским, представлял собой наиболее тяжелое испытание для «узников войны».

В СССР изучение проблемы военного плена в основном сводилось к истории антифашистского движения сопротивления, прежде всего к деятельности Национального комитета «Свободная Германия»⁵. Другие аспекты пребывания немецких военнопленных в СССР не получили должного научного осмысления. Пожалуй, единственной попыткой предметного исследования истории пребывания военнослужащих германской армии в советском плену стала книга известного ученого-германиста А.С. Бланка «Немецкие военнопленные в

⁴ *Bährens K.* Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion // *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges* / Herausgegeben von E. Maschke. München–Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1965. Bd. 5 (1–3); *Böhme K.* Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand: Eine Bilanz // *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges* / Herausgegeben von E. Maschke. München–Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1966. Bd. 7; *Cartellieri D.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Die Lagergesellschaft. Eine Untersuchung der zwischenmenschlichen Beziehungen in den Kriegsgefangenenlagern // *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges* / Herausgegeben von E. Maschke. München–Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1967. Bd. 2; *Fleischhacker H.* Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Der Faktor Hunger // *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges* / Herausgegeben von E. Maschke. München–Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1965. Bd. 3; *Ratza W.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Der Faktor Arbeit // *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges*. Bd. 4. München–Bielefeld: Giesecking, 1973; *Robel G.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Antifa // *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges* / Herausgegeben von E. Maschke. München–Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1974; *Schwarz W.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Aus dem kulturellen Leben // *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges* / Herausgegeben von E. Maschke. München–Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1969.

⁵ *Бланк А.С.* Национальный комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов. 1943–1945. Вологда: Книжное издательство, 1963; *Бланк А.С., Левель Б.* Наша цель – свободная Германия: Из истории антифашистского движения «Свободная Германия» (1943–1945 гг.). Москва: Мысль, 1969; *Гинцберг Л.И.* Борьба немецких патриотов против фашизма. 1939–1945. Москва: Наука, 1987; *Погребной Н.Г.* Участие немецких антифашистов в боях против гитлеровских захватчиков в годы Великой Отечественной войны // *Украинский исторический журнал*. 1964. № 2. С. 64–69.

СССР», изданная в 1979 г. в Кёльне на немецком языке⁶. В целом, в советской историографии утвердилась точка зрения о гуманном отношении советского государства к обезоруженному врагу, в отличие от нацистской Германии, проводившей политику массового уничтожения советских военнопленных.

На рубеже XX–XXI вв. в условиях демократических перемен на постсоветском пространстве историографическая ситуация кардинальным образом изменилась. Историки получили возможность работать с рассекреченными архивными документами, участвовать в международных научных конференциях и публиковать результаты научных исследований, в которых была воссоздана достаточно объективная картина положения германских военнопленных в Советском Союзе⁷.

Наряду с этим, в России большими тиражами издавались книги западных публицистов и историков, в которых продолжал активно пропагандироваться миф об ужасах «русского плена»⁸.

В этой связи предметом настоящей статьи является изучение организации содержания военнопленных германской армии и ее союзников в СССР на примере Череповецкого лагеря НКВД–МВД № 158 для военнопленных. Методологической основой статьи являются принципы системности и историзма научного анализа, а также методы локальной истории и истории повседневности. Цель исследования состоит в том, чтобы путем изучения источников реконструировать внутреннюю жизнь лагеря, выявить

⁶ *Blank A.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Köln: Pahl-Rugenstein, 1979.

⁷ *Безбородова И.В.* Военнопленные Второй мировой войны: генералы вермахта в плену. Москва: РГГУ, 1998; *Всеволодов В.А.* «Срок хранения – постоянно!» Краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД СССР № 27 (1942–1950). Москва: Московский издательский дом, 2003; *Галицкий В.П.* Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 39–46; *Карнер С.* Архипелаг ГУПВИ: плен и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956 / перевод с немецкого О. Асписовой. Москва: РГГУ, 2002; *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда: Издательство Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996; *Кузьминых А.Л.* Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Вологда: Книжное наследие, 2005; *Сидоров С.Г.* Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2001; *Сулов А.Б.* Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Москва: РОССПЭН, 2010; *Шарков А.В.* Архипелаг ГУПВИ: военнопленные и интернированные на территории Беларуси: 1944–1954 гг. Минск: Тесей, 2003; *Hilger A.* Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung. Essen: Klartext-Verlag, 2000.

⁸ *Hoffmann Y.* Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945. München: Verlag für Wehrwissenschaften, 1995; *Бивор Э.* Сталинград / перевод с английского А. Жеребилова и др. Смоленск: Русич, 1999.

специфические черты, характеризующие практику содержания иностранных военнопленных в СССР.

Фокусирование внимания на истории лагеря № 158 объясняется тем, что он являлся крупнейшим пунктом транспортировки и размещения военнопленных на Европейском Севере России. В 1942–1948 гг. через него прошло свыше 43 тысяч обезоруженных солдат и офицеров вражеских армий. Процесс формирования лагерной инфраструктуры, численность и состав контингента, его трудовое использование подробно раскрыты в предыдущей статье автора⁹.

История лагеря № 158 затрагивается в статье Ю.Е. Рыбалкина о судьбах испанских военнопленных Второй мировой войны в СССР. В ней указывается, что через 158-й лагерь прошло 265 испанских солдат и офицеров 250-й («Голубой») дивизии вермахта, т.е. больше половины всех испанцев (442 чел.), попавших в советский плен за годы войны¹⁰. Интересные факты, связанные с пребыванием военнопленных финнов в Череповце, содержатся в монографии В.П. Галицкого «Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.)»¹¹. К примеру, автор приводит статистику движения контингента лагеря № 158 и численность пленных финнов, умерших и погребенных под Череповцом¹². История Череповецкого лагеря № 158 частично рассмотрена в публикациях В.Б. Конасова, А.Л. Кузьминых, С.И. Старостина и А.Б. Сычева¹³. Устные

⁹ Кузьминых А.Л. Череповецкий лагерь для военнопленных № 158 (1942–1948 гг.): структура, состав контингента, производственная деятельность // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 4. С. 1405–1477.

¹⁰ Рыбалкин Ю.Е. Испанские военнопленные Второй мировой войны в СССР // Проблемы военного плена: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции (Вологда, 23–25 октября 1997 г.) / под редакцией Е.А. Поромонова и др. Вологда: Издательство Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1997. Ч. 2. С. 247–251.

¹¹ Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). Москва: Грааль, 1997.

¹² Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). С. 141, 188–189.

¹³ Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939–1955). Очерки и документы. Вологда: Вологодский институт развития образования, 2002; Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...». Вологда: [б. и.], 2009; Кузьминых А.Л. Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Москва: Политическая энциклопедия, 2017; Кузьминых А.Л. Лагерь для военнопленных и интернированных в Вологодской области в 1939–1949 гг. // История пенитенциарных учреждений Вологодского края / под редакцией А.Л. Кузьминых, Н.С. Оботуровой. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2023. С. 176–228.

свидетельства череповчан о деятельности 158-го лагеря и повседневной жизни военнопленных содержатся в статье Н. Емельянова¹⁴.

Организация режима и охраны

Лагеря военнопленных являлись режимными объектами НКВД. Они имели необходимую инфраструктуру для размещения, жизнеобеспечения и охраны военнопленных. По воспоминаниям бывшей сотрудницы лагеря № 158 В.Н. Никеровой, на территории лагерного отделения № 1 в Череповце, которое находилось в Макаринской роще, располагались комендатура, около 20 бараков, столовая, клуб, два больничных здания (первое для постоянного контингента, второе – для временного). В размещении военнопленных использовался национальный принцип. В среднем в бараке проживало около ста человек. Жилые помещения отапливались железными печками, пленные размещались на двухэтажных деревянных нарах. Складские и хозяйственные постройки находились за территорией лагерной зоны¹⁵.

¹⁴ Емельянов Н. Череповецкий лагерь НКВД для военнопленных № 158 // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. IX / под редакцией В.А. Саблина. Вологда: Древности Севера, 2001. С. 111–113. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/9vo/isk/7.htm> (дата обращения: 05.02.2024).

¹⁵ Емельянов Н. Череповецкий лагерь НКВД для военнопленных № 158. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/9vo/isk/7.htm> (дата обращения: 05.02.2024).

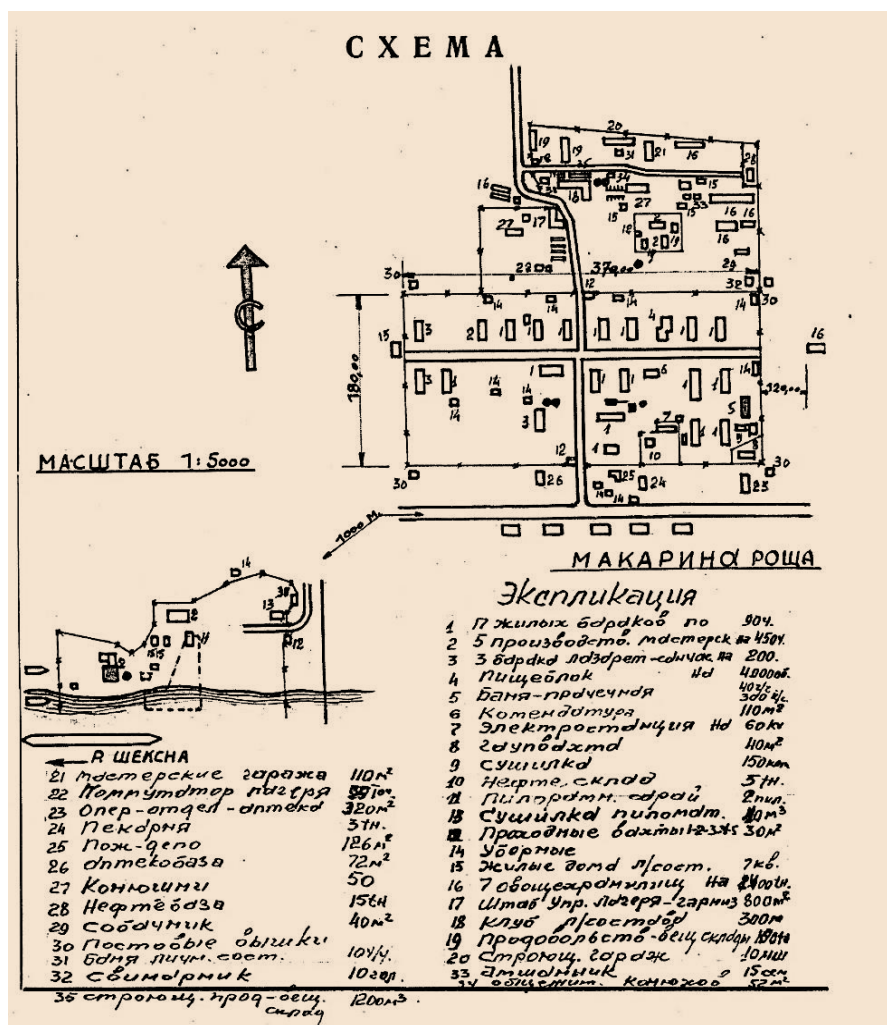

Схема лагерного отделения № 1 Череповецкого лагеря № 158
(Макаринская роща, г. Череповец)

Источник: *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939–1955). Вкладка с иллюстрациями

Из числа пленных выбирались старосты, которые несли ответственность за поддержание порядка и дисциплины в лагере. Распорядок дня выглядел следующим образом: 07.00 – подъем; 07.00–07.25 – утренний туалет; 07.25–08.00 – построение и утренняя поверка; 08.00–09.00 – завтрак; 09.40–14.00 – рабочее время; 14.00–15.00 – обед; 15.00–19.40 – рабочее время; 19.40–20.40 – ужин; 20.40–22.30 – отдых; 22.30–23.00 – вечерняя поверка; 23.00–07.00 – сон¹⁶.

Каждое лагерное отделение было обнесено забором с установленными по периметру наблюдательными вышками. К примеру, по углам зоны лаготделения № 1 (Макаринская роща) располагались четыре вышки с прожекторами, посты наблюдения и охраны были оборудованы телефонной

¹⁶ *Емельянов Н.* Череповецкий лагерь НКВД для военнопленных № 158. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/9vo/isk/7.htm> (дата обращения: 05.02.2024).

связью. Лаготделения № 3 (Чагода), № 8 (Дедово поле), № 9 (Чайка) были огорожены деревянным забором высотой в два с половиной метра с внутренним и внешним откосами из четырех-пяти нитей колючей проволоки.

Внутренние работы на строительстве нового барака в лагере № 158 в Череповце
Источник: *Карнер С.* Архипелаг ГУПВИ: плен и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956. С. 188

Внешняя охрана лагеря и конвоирование военнопленных осуществлялись гарнизонами 250-го полка конвойных войск НКВД. Численность конвоя зависела от количества конвоируемых военнопленных. В соответствии с инструкцией о порядке охраны военнопленных от 24 марта 1942 г. конвой назначался из расчета один конвоир на 8 военнопленных, согласно циркуляру НКВД № 332 от 26 июня 1943 г. выделялся один конвоир на 15 военнопленных¹⁷. Кроме того, из числа военнопленных набирались вспомогательные команды самоохраны, их численность составляла 230 чел. Также для охраны контингента привлекались вахтеры хозорганов (30 чел.,) где трудились военнопленные¹⁸. На 1 января 1947 г. в лагере были расконвоированы 147 военнопленных. Как правило, это были командиры батальонов, рот, взводов, активисты по антифашистской работе.

На территории лагерных зон военнопленных охранял вахтерский состав. Согласно инструкциям, на двух вахтеров выделялась 7,62-мм винтовка и

¹⁷ Военнопленные в СССР. С. 178–179.

¹⁸ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 17–18.

четыре ручные гранаты. Офицерский состав вооружался пистолетами ТТ. Кроме того, в управлении лагеря имелись противогазы, пистолет-пулемет, а также сигнальный пистолет¹⁹. На 10 ноября 1947 г. арсенал лагеря № 158 включал 54 винтовки образца 1831/1930 гг., 160 револьверов и наганов, 5 пистолетов ТТ, 5 пистолетов-пулеметов, 3 сигнальных пистолета, 330 ручных гранат, 96 противогазов, 12 карманных фонарей, 22 малокалиберные винтовки²⁰.

В населенных пунктах в радиусе 20–25 км от лагерных отделений были организованы 65 бригад содействия (БС) из числа местных жителей, задача которых заключалась в розыске и задержании бежавших военнопленных. Сотрудники отдела режима и охраны лагеря проводили с участниками этих бригад занятия и инструктаж²¹.

Судя по документации лагеря, за период с 1945 по 1948 г. имели место 29 побегов, в том числе: в 1945 г. – 6, в 1946 г. – 18, в 1947 г. – 4, в 1948 г. – 1. Все они были совершены с производственных объектов и пресечены сотрудниками лагеря и членами бригад содействия. Так, 19 апреля 1945 г. сотрудник почты Ирдоматского сельсовета Череповецкого района А.И. Зайцева задержала бежавшего с места работы (Судоремонтный завод) военнопленного Беккера. За поимку беглеца она получила премию в размере 300 руб. 2 сентября 1945 г. с городской электростанции г. Череповца бежал испанец Ромидас. Он был задержан в этот же день вахтером Чураковым на станции Череповец²².

¹⁹ Приказ НКВД СССР № 00491 «С объявлением норм вооружения для личного состава Управления НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных и Управления лагерей военнопленных и спецконтингента» от 10 марта 1943 г. // Архив Управления МВД России по Вологодской области (далее – Архив УМВД России по ВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 441. Л. 65–67.

²⁰ Ведомость обеспеченности вооружением и боеприпасами лагеря МВД № 158 по состоянию на 10 ноября 1947 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 255.

²¹ Кузьминых А.Л. Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). С. 149.

²² История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 14–15.

Аэрофотоснимок города Череповца, сделанный немецким самолетом-разведчиком 26 июня 1942 года. В верхнем левом углу черной рамкой обозначено место нахождения Череповецкого лагеря-распределителя военнопленных № 158

Источник: Вологодская правда. URL: <https://pravda35.ru/cherepovets-1942/?ysclid=lv22cz0fnl734058933>

По каждому случаю побега военнопленных проводилось расследование. Так, 16 июня 1945 г. сотрудники оперативного отделения лагеря № 158 проинформировали начальника УНКВД Вологодской области полковника госбезопасности Н.И. Слякоткина о попытке побега военнопленных:

8 июня 1945 г., в 14 часов дня, в подсобном хозяйстве Ерга в момент расстановки военнопленных на работы под охраной вахтера Фомичева, который один охранял 72 человека военнопленных, бежали двое военнопленных немецкой армии: Берг Иоганн Макс, 1922 г.р., и Кох Гюнтер Вильгельм, 1927 г.р. Предпринятыми мерами розыска со стороны оперативного отделения лагеря 9 июня в 18 часов вечера побег был ликвидирован. Военнопленные Берг и Кох задержаны в 30 км от расположения лагеря в дер. Лаптево Дмитриевского с[ель]с[овета] Петриневского района, скрывавшимися в сарае. <...> Берг и Кох рассказали, что побег готовился групповой в количестве 4-х человек.

Руководил подготовкой побега военнопленный немецкой армии Бобингер Йозеф Михаэль, 1920 г.р., который разбил группу надвое – по два человека каждая. Первую группу возглавил военнопленный Берг, а вторую должен был возглавить сам Бобингер. Побег второй группы должен был совершиться тогда, если первой группе удастся благополучно уйти незадержанной командованием лагеря. Продукты питания на путь следования побега намечалось достать путем грабежа населения в ночное время. Бежавшие военнопленные Берг, Кох, а также готовившиеся к побегу и знавшие о нем Бобингер и Шецель, были немедленно изъяты с подсобного хозяйства. Проведено расследование, материалы которого прилагаются. Все четверо подвергнуты дисциплинарному взысканию по 10 суток строгого ареста каждому с содержанием на гауптвахте лагеря²³.

Как правило, большинство побегов совершались в теплое время года. Вероятность удачного побега возрастала при знании пленным русского языка. Так, бежавшему из лагеря рядовому Буцолиху, владевшему русским языком, удалось за неделю добраться до польской границы, где он был схвачен и отправлен обратно в лагерь²⁴.

Как детектив можно читать историю побега испанца Хуана Хосе Иррибарена, бежавшего из лагеря 28 декабря 1946 г. и задержанного три недели спустя. Последний без особых проблем сумел добраться до Ленинграда, где некоторое время проработал грузчиком, затем побывал в Таллине и Кексгольме, живя на пожертвования советских граждан. И лишь после признания милиционеру, что он военнопленный, Иррибарен был водворен обратно в лагерь²⁵. Заметим, что в 1948 г. Главное управление по делам военнопленных и интернированных МВД СССР занималось выявлением пленных, которые различными путями оказались на свободе и проживали на территории СССР, нелегально работая в различных организациях и на предприятиях.

²³ Спецсообщение оперативного отделения лагеря № 158 на имя начальника УНКВД Вологодской области полковника госбезопасности Н.И. Слякоткина о попытке побега военнопленных от 16 июня 1945 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 101–101 об.

²⁴ Докладная записка по агентурно-оперативной работе по лагерю № 158 за октябрь 1946 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 36. Л. 153.

²⁵ Докладные записки лагерей военнопленных Вологодской области о состоянии агентурно-оперативной работы среди военнопленных за 1-й квартал 1947 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 44. Л. 25–28.

Продовольственное и вещевое обеспечение военнопленных

В военные и послевоенные годы снабжение военнопленных продуктами питания являлось исключительно сложной проблемой, требовавшей постоянного внимания со стороны лагерного руководства. Согласно приказу № 91 по Череповецкому лагерю-распределителю № 158 от 16 декабря 1942 г. пленные ежедневно получали 600 г хлеба, 80 г крупы, 80 г мяса или рыбы, 500 г картофеля и овощей, 13 г масла, 10 г сахара, а также 25 г чая и приправ²⁶. В дальнейшем норма питания неоднократно пересматривалась в сторону увеличения, однако калорийность суточного рациона в годы войны не превышала 2500 калорий, что негативным образом сказывалось на физическом состоянии контингента²⁷.

Бывшая медсестра лагеря М.Д. Волкоедова вспоминает:

Кормили пленных недостаточно. Интересно, как пленные ели. Дадут им пайку хлеба, затем первое блюдо (суп). Они сначала съедят хлеб, затем выпивают из тарелки (железной миски) всю жижу, а потом гущу съедают ложкой. Пленные были одеты, кто во что горазд. Большинство были в своих шинелях. Зимой многие из них мерзли, гибли от холода. Пленных гоняли на работу (строили шоссейные дороги). Такое войско выведут... Идут еле-еле, нога за ногу, запинаятся, тут и падают. Некоторые ходить не могли, как дистрофики выглядели. Рядом конвой с собаками. Каждый раз мы записывали, сколько у нас из лагеря выйдет, сколько остается...²⁸

В целях профилактики дистрофии среди военнопленных в ноябре 1942 г. начальник лагеря капитан госбезопасности В.С. Королев приказал три раза в неделю варить суп на бульоне из костей и выдавать по 80 г дрожжей в сутки на

²⁶ Приказ № 91 начальника Управления лагеря НКВД № 158 «О введении новых норм довольствия для военнопленных, о порядке учета работающих военнопленных и выдачи дополнительного питания (хлеба) работающим военнопленным» от 26 декабря 1942 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 194. Л. 106. По воспоминаниям бывших военнопленных Череповецкого лагеря № 158 дневной рацион включал рыбный или капустный суп, заправленный крапивой или картошкой, черпак пшенной каши, непропеченный сырой хлеб, кусок сахара и 10 г дрожжей. См.: *Dehnel R. Deutsche Kriegsgefangene im Gebiet Wologda 1942–1949 // Internationale Gesellschaft Russki Plen.* URL: <https://kurl.ru/VPVQS> (дата обращения: 10.03.2024).

²⁷ В январе и первой половине февраля 1945 г. в лагере № 158 из 7875 военнопленных умерло около 500 чел. Основной причиной смертности пленных являлась дистрофия. См.: *Военнопленные в СССР.* С. 467.

²⁸ Из воспоминаний бывшей сотрудницы лагеря НКВД–МВД № 437 М.Д. Волкоедовой // *Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...».* Т. 1. Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в Вологодской области (1939–1949 гг.): Очерки и документы. С. 471–472.

человека. Кроме того, два раза в неделю в рацион добавляли квашеную капусту²⁹.

Летом 1944 г. в лагере была проведена кампания по сбору дикорастущих растений: крапивы, щавеля, грибов, ягод и т.д. Свежая зелень включалась в текущее питание военнопленных, а соответствующим образом обработанная – составляла часть зимнего продовольственного фонда.

Таблица 1

Сбор дикорастущих растений военнопленными лагеря № 158 в 1947 году³⁰

Наименование	План (в кг)	Фактически заготовлено	Процент выполнения
Дикорастущие растения (крапива, щавель и др.)	15 000	48 520	323,4
Грибы	3000	1620	54,0
Ягоды	400	3133	783,2
Всего	18 400	53 273	289,5

Данные табл. 1 показывают, что план сбора дикорастущих растений в 1947 г. был перевыполнен. Основная масса дикоросов обращалась не на плановое снабжение, то есть не на замену основных продуктов рациона, а на улучшение питания контингента, то есть на добавку к рациону. Заметим, что растительная составляющая в рационе местного населения в годы войны также заметно увеличилась. Нехватка хлеба и мяса возмещалась лебедой, турнепсом, клевером, различными суррогатными пищевыми добавками³¹.

Случалось, что при сборе зелени, ягод и грибов незнание особенностей местной флоры приводило к отравлениям среди военнопленных, иногда – со смертельным исходом. ГУПВИ пришлось даже выпустить специальную инструкцию, четко регламентирующую виды и порядок обработки дикорастущих растений, а от сотрудников потребовать проводить среди военнопленных соответствующую разъяснительную работу³².

²⁹ Приказ № 57 по Управлению лагеря НКВД № 158 от 11 ноября 1942 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 194. Л. 68–69; Переписка лагеря № 158 с НКВД СССР за 1942 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 195. Л. 50.

³⁰ Акт ревизии хозяйственной деятельности лагеря МВД № 158 от 25 ноября 1947 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 224.

³¹ «Живем – не радуемся...» (О голоде на Европейском Севере в период Великой Отечественной войны) / вводная статья и комментарии В.Г. Нечепы // Русское прошлое: Историко-культурный альманах. Кн. 7 / под редакцией А.В. Терещука. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. С. 349–357.

³² Указание УПВИ НКВД СССР № 280/4/14018 о профилактике отравлений военнопленных ядовитыми грибами от 3 июля 1944 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 475. Л. 250 об.–252; Указание ГУПВИ МВД СССР № 8/4/2140 о профилактике

Для иллюстрации обеспеченности лагеря № 158 продовольствием приведем данные по состоянию на 1 ноября 1947 г.:

Таблица 2

**Обеспеченность продовольствием Череповецкого лагеря № 158
на 1 ноября 1947 года³³**

Наименование продуктов	Обеспеченность продуктами (в днях) лагеря № 158	в том числе по лагерным отделениям:		
		Л/о № 1 (г. Череповец) (в днях)	Л/о № 2 (п. Чагода) (в днях)	Л/о № 3 (г. Вологда) (в днях)
Мука обойная разная	119	38	213	40
Мука сортовая	39	4	85	132
Крупа разная	183	86	243	123
Макароны	1	–	6	1
Мясопродукты	50	50	54	36
Рыбопродукты	52	–	214	–
Жиры	57	31	48	50
Сахар	151	67	259	118
Соль	539	75	205	504
Картофель и овощи	463	503	279	273
Мука соевая	152	113	265	93
Овес	58	143	23	114

Таким образом, лагерь и его лаготделения имели достаточный запас основных продуктов питания, что позволяло предотвращать перебои в снабжении военнопленных. Уточним лишь, что данные отражали картину максимального наполнения складов и хранилищ лагерных отделений, так как ревизия была проведена в момент завершения подготовки лагеря к зиме. К началу весны ситуация, возможно, выглядела не столь обнадеживающе.

Одним из путей решения продовольственной проблемы стала организация подсобного хозяйства. Решением Череповецкого райисполкома от 3 декабря 1945 г. лагерю № 158 было передано во временное пользование 100 га из фондов Госземзапаса, 84 га – от колхоза «Свободная жизнь»³⁴. Характерно, что колхозы выделяли лагерям далеко не самые лучшие земли. Так, лагерю был отведен земельный участок вдоль Шексны, попадающий в зону затопления³⁵.

отравлений военнопленных от 4 июля 1947 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 504. Л. 128–135.

³³ Акт ревизии хозяйственной деятельности лагеря МВД № 158 от 25 ноября 1947 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 223 об.

³⁴ Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...». Т. 1. С. 326.

³⁵ Докладная записка о ходе подготовки подсобного хозяйства лагеря № 158 к весеннему севу по состоянию на 25 февраля 1947 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 21. Л. 60.

В послевоенные годы в структуре подсобного хозяйства лагеря № 158 действовали участки «Абаканово», «Ерга» и «Шеломово». В Абаканово военнопленные выращивали овощи. Отбирали туда на работу только здоровых пленных. В летний период там работало около 100 чел., которых разместили в здании местной школы. По воспоминаниям старожилов, военнопленные использовались на сельхозработах в деревнях Климово (на конюшне) и Харламовская (перебирали капусту в овощехранилище) Череповецкого района. В сельской местности у военнопленных была возможность свободного передвижения и общения с местным населением³⁶.

В декабре 1945 г. в лагерь поступил трофейный скот, для содержания которого не сразу удалось найти помещение. В 1947 г. подсобное хозяйство лагеря имело три трактора (два советских и один иностранный), трактористами работали военнопленные³⁷. Для хранения урожая строились овощехранилища плановой вместимостью 150 тонн на каждую тысячу человек контингента³⁸. Иногда они пустовали вследствие того, что несвоевременная уборка урожая приводила к потере почти всей собранной сельхозпродукции. Так, во время разгрузки прибывшей в октябре 1947 г. баржи с десятью тоннами моркови оказалось, что последняя почти на 100 % подверглась гниению³⁹.

Благодаря проводимым мероприятиям, калорийность суточного рациона военнопленных несколько увеличилась. Если в 1942–1944 гг. она составляла в среднем 2150–2200 калорий, то в 1947–1948 гг. – 2600–2800 калорий⁴⁰. В большинстве лагерных отделений были оборудованы столовые, где военнопленные принимали пищу⁴¹. Все это благоприятным образом сказывалось на их физическом состоянии.

Обеспечение пленных одеждой и обувью в основном производилось за счет трофейного и бывшего в употреблении отечественного имущества, поступавшего с окружного военного склада № 32 (г. Вологда) и требовавшего ремонта. В качестве починочного материала использовались списанные шинели, плащ-палатки, вещевые мешки, парусина, хлопчатобумажная бязь. Из

³⁶ Емельянов Н. Череповецкий лагерь НКВД для военнопленных № 158. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/9vo/isk/7.htm> (дата обращения: 05.02.2024).

³⁷ Приказы начальника Управления лагеря № 158 по подсобному хозяйству за 1945–1947 гг. // Архив УМВД по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 186. Л. 6, 14.

³⁸ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 24 (13–1). Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР: нормативные документы / составители В.Н. Вартанов и др. Москва: ТЕРРА, 1996. С. 228–229.

³⁹ Акт ревизии хозяйственной деятельности лагеря МВД № 158 от 25 ноября 1947 г. // Архив УМВД по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 286.

⁴⁰ Речь идет о рационе военнопленных рядового состава, так как офицеры и госпитальные больные получали повышенные нормы питания.

⁴¹ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 69–70.

всего этого разнородного материала портные из числа военнопленных шили кальсоны, рубахи, брюки, телогрейки, портянки, рукавицы, веревочные чуни. Только за 1947 г. мастерские 158-го лагеря изготовили из утиля 10 073 пары портянок, 3 537 пар рукавиц, 452 майки и 406 трусов⁴².

Кроме того, вещевое имущество поступало от хозорганов. Так, в 1947 г. лагерь получил от Чагодощенского стеклозавода 50 нательных рубах, 50 кальсон, 15 ватных телогреек и шаровар, 1 832 пары рукавиц, 186 пар кожаных ботинок, 979 пар суррогатированной обуви, 10 одеял, 17 тюфячных наволочек, 30 простыней. Также лагерю были выданы во временное пользование следующие постельные принадлежности: наволочки тюфячные – 200 шт., наволочки подушечные – 150 шт., одеяла – 150 шт., простыни – 250 шт.⁴³

В акте ревизии хозяйственной деятельности лагеря от 25 ноября 1947 г. отмечалось, что состояние качества обмундирования и постельных принадлежностей, находившихся в пользовании военнопленных, а также на складе лагеря – удовлетворительное. Помывка военнопленных в бане производилась не менее трех раз в месяц согласно графику, разработанному санитарным отделом лагеря, с обязательной сменой грязного белья на чистое и пропуском верхней одежды через дезкамеру. Пропускная способность бани составляла 800 чел. в сутки. Стрижка и бритье военнопленных осуществлялись специально выделенными парикмахерами (4 чел.) из числа военнопленных. Приборы для бритья имелись в достаточном количестве, машинок для стрижки волос не хватало. Стирка белья и постельных принадлежностей осуществлялась военнопленными в специальном помещении, оборудованном необходимым инвентарем. Мылом и стиральной содой лагерь и его лаготделения были обеспечены в необходимом объеме⁴⁴.

Медико-санитарное обслуживание военнопленных

Политика советского государства, направленная на сохранение жизни и здоровья военнопленных, предопределила особое внимание к вопросу их медицинского обслуживания. В июле 1942 г. в Череповецком лагере-распределителе была сформирована медицинская служба в составе трех медработников с незаконченным средним медицинским образованием⁴⁵. Основными задачами медслужбы являлись санобработка поступавших военнопленных, их диагностическое обследование и лечение.

⁴² Акт документальной ревизии хозяйственной деятельности лагеря № 158 от 25 ноября 1947 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 242 об.

⁴³ Там же. Л. 242 об.–246.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 61.

Лица, прибывавшие в лагерь, подлежали изоляции в карантинных бараках в течение трех недель. Во время карантинного периода на каждого военнопленного оформлялась медико-санитарная карта. Она содержала сведения о результатах медосмотров, отметки о прививках, сведения о госпитализации или амбулаторном лечении⁴⁶. Документ заверялся подписью врача санитарного отделения лагеря.

Военнопленные поступали в лагерь в крайне плохом физическом состоянии. Так, в первой партии военнопленных (131 чел.), прибывшей в лагерь-распределитель № 158 в июле 1942 г., было выявлено 75 человек, страдавших дистрофией. Бывшие солдаты гитлеровской армии больше напоминали бродяг, чем солдат: невымытые, оборванные, завшивленные – они сразу же попадали на больничные койки⁴⁷.

11 ноября 1942 г. начальник Управления Череповецкого лагеря-распределителя подписал приказ № 57, который предписывал начать строительство резервных карантинных бараков и лазаретных помещений, усилить медико-санитарный контроль за трудовым использованием и питанием контингента, организовать оздоровительные команды, в которые направлять ослабленных и больных лиц⁴⁸.

В завершающий период Великой Отечественной войны поступление военнопленных в лагерь резко выросло, при этом состояние их здоровья оставалось крайне неудовлетворительным. Так, 1 октября 1944 г. в Череповец прибыл этап из лагеря № 150 (г. Грязовец Вологодской области) в количестве 100 чел. Из них 14 чел. были отнесены к первой группе трудоспособности, 31 – ко второй, 46 – к третьей, 8 – к четвертой, один человек умер в пути следования. При проверке учетной документации выяснилось, что в этап были включены 18 чел. из лазарета, хотя перевозка больных военнопленных запрещалась директивами НКВД. После осмотра сотрудниками санитарной службы лагеря 50 чел. были зачислены в оздоровительную команду.

8 октября 1944 г. в лагерь поступил этап в количестве 2 505 военнопленных со сборно-пересыльного пункта № 2 (г. Роман, Румыния). Среди прибывших было 1 221 румын, 652 молдавана, 616 немцев, 9 чехов, 3 австрийца, 3 поляка, 1 итальянец. В ходе медосмотра была выявлена стопроцентная завшивленность контингента. В крайне тяжелом состоянии были госпитализированы 54 чел., находившиеся на грани смерти из-за сильного истощения. У многих пленных отсутствовали верхняя одежда и обувь: 70 % не

⁴⁶ Военнопленные в СССР. С. 548–560.

⁴⁷ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 61.

⁴⁸ Приказ № 57 по Управлению лагеря НКВД № 158 от 11 ноября 1942 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 194. Л. 68–69.

имели шинелей, 40 % – были босыми, 10 % – прибыли в кальсонах и накинутых на плечи одеялах.

14 декабря 1944 г. в лагерь был доставлен 2 541 военнопленный из лагеря № 176 (г. Фокшаны, Румыния), в том числе 1 965 венгров и 576 немцев. У значительной части пленных не имелось обуви, брюк и кальсон, ноги были обернуты портянками. При разгрузке эшелона в вагонах обнаружили 60 трупов, вынесли на руках 121 чел. в тяжелом или бессознательном состоянии. В ходе проверки документов выяснилось, что в лагере № 176 начальником конвоя 228-го конвойного полка лейтенантом Ковалевым было принято 3 000 военнопленных, фактически же поступил в лагерь 2 541 чел.

9 мая 1945 г. в лагерь прибыл этап в количестве 1 499 военнопленных из лагеря № 45 (г. Дойч-Эйлау, Германия). Физическое состояние контингента выглядело следующим образом: 1-я группа – 749 чел., 2-я группа – 393 чел., 3-я группа – 216 чел., 4-я группа – 141 чел. Два человека находились в безнадежном состоянии, один умер в течение первых суток. В пути следования скончался один военнопленный, труп которого был передан лагерю для захоронения.

9 июня 1945 г. поступил этап численностью 2 500 чел. из того же пункта отправления. Среди прибывших было 2 057 немцев, 175 поляков, 126 австрийцев, 46 французов, 41 чех, 24 венгра, 17 югославов, 5 голландцев, 5 румын, 2 литовца, 1 люксембуржец, 1 швейцарец. В пути следования умер один военнопленный, 494 чел. были отнесены ко второй группе, 915 чел. – к третьей, 1 079 чел. – к четвертой, еще 11 чел. значились тяжелобольными. Половина пленных была завшивлена. По данным медосмотра, контингент был признан ослабленным, непригодным для выполнения физических работ.

Практически все этапы военнопленных, поступавшие в лагерь, находились в аналогичном состоянии, но благодаря проводимым медико-санитарным мероприятиям, их состояние заметно улучшалось.

В целом физическое состояние военнопленных лагеря № 158 выглядело следующим образом (см. табл. 3):

Таблица 3

**Физическое состояние военнопленных Череповецкого лагеря № 158⁴⁹
(среднегодовое)**

Год	Группы трудоспособности					
	1 группа	2 группа	3 группа	Инвалиды	ОК	Лазаретные больные
1942	50	17	8	15	–	–
1943	483	231	89	11	–	–
1944	1697	979	447	114	–	–
1945	1600	3227	2327	1356	–	39
1946	2272	2730	1538	307	181	188
1947	1017	1053	1393	–	472	171
1948	835	921	1387	–	130	117

Судя по приведенным в табл. 3 данным, на протяжении всего периода существования лагеря значительная часть контингента была ослаблена и требовала длительного лечения и восстановления.

Физическое состояние военнопленных напрямую зависело от санитарно-бытовых условий в лагере. В послевоенный период сплошные нары, сколоченные из жердей, были заменены в лагерных бараках нарами вагонного типа. Санобработка стала проводиться не реже одного раза в десять дней с обязательной сменой белья. К концу 1947 г. в большинстве лагерных отделений были полностью уничтожены клопы и построены уборные закрытого типа. На территории лагерного отделения № 1 были разбиты газоны, проведено озеленение, в ходе которого было высажено 4 300 деревьев и кустарников. Благодаря этим мероприятиям лагерная зона приобрела более «культурный» вид, что благоприятно отражалось на моральном состоянии военнопленных.

При Управлении лагеря был развернут лазарет на 200 коек, в лагерных отделениях – санчасти с изоляторами. Из-за нехватки врачебного персонала основную лечебную работу проводили фельдшеры и медсестры. В качестве вспомогательного медицинского персонала привлекались врачи и фармацевты из числа военнопленных. Из-за отсутствия ряда врачей-специалистов лагерь систематически обращался за оказанием медицинской помощи в местные учреждения здравоохранения. Приглашенными врачами-специалистами было проведено 247 консультаций, в том числе: профессорами медицины – 11, фтизиатрами – 140, окулистами – 25, отоларингологами – 71. Кроме того, на базе других медучреждений было сделано 1 020 рентгеновских снимков, 240 рентгенографий, 760 лабораторных анализов, 39 операций⁵⁰.

Лечебная работа в амбулаториях лаготделений проходила ежедневно, кроме выходных дней, в утреннее и вечернее время. В каждом лагерном отделении

⁴⁹ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 67.

⁵⁰ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 63.

прием проводился в терапевтическом, хирургическом и стоматологическом (если имелись стоматологи) кабинетах. В целом по лагерю с 1942 по 1948 г. амбулаторную помощь получили 497 659 чел. (многие военнопленные лечились неоднократно), из них первичную – 178 313 чел. Тяжелобольных направляли в лазарет Управления лагеря, инфекционных больных изолировали от терапевтических и хирургических больных.

Медицинские работники, халатно относившиеся к лечению военнопленных, подлежали увольнению. Так, в служебной характеристике на врача лагеря № 158 старшего лейтенанта медицинской службы Г. указывалось:

Санитарно-профилактической работе и лечебным мероприятиям внимания не уделяет. В результате халатного отношения к работе в 6-м лагерном отделении допустил высокую заболеваемость и смертность военнопленных; в лазарете Управления лагеря, благодаря той же халатности, допустил смертность военнопленных, своевременно не проконтролировав и не осмотрев больных для оказания квалифицированной медицинской помощи⁵¹.

В итоге упомянутый врач по результатам проверки был уволен из органов МВД.

Осенью 1944 г. для медицинского обслуживания военнопленных за лагерем № 158 были закреплены госпитали № 1825 и 5091, находившиеся в Череповце. Они получили статус специальных медицинских учреждений и находились в двойном подчинении – Наркомата здравоохранения СССР и Наркомата внутренних дел СССР⁵². В спецгоспитали переводились больные со сроками лечения свыше месяца, инфекционные больные и лица, требовавшие специального лечения. Всего за период существования лагеря в специальные госпитали было направлено 72 158 больных, в том числе: в 1942 г. – 1 109, в 1943 г. – 8 944, в 1944 г. – 14 817, в 1945 г. – 19 257, в 1946 г. – 13 768, в 1947 г. – 11 696, в 1948 г. – 2 567 чел.⁵³

По наблюдениям лагерных врачей, наибольшую угрозу для здоровья военнопленных представляли такие заболевания, как сыпной и брюшной тиф, дистрофия, дизентерия. Пик заболеваемости сыпным тифом пришелся на

⁵¹ Списки медицинских кадров лагеря № 158 за 1947 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 152. Л. 15.

⁵² До октября 1944 г. тяжелобольные военнопленные обслуживались в эвакогоспиталях Череповца для советских бойцов. Например, в мае 1944 г. лагерем № 158 в эвакогоспиталь № 1599 было направлено 76 пленных. См.: Дело с отчетами и спецдонесениями лагерей военнопленных по Вологодской области за 1944 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 220. Л. 44 об.

⁵³ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 64.

1945 г., когда было выявлено 304 заболевших⁵⁴. Благодаря принятым мерам с эпидемией удалось быстро справиться. Гораздо сложнее лечению поддавалась дистрофия. В 1942 г. среди пленных такой диагноз был поставлен 93 чел., в 1943 г. – 259, в 1944 г. – 1 294, в 1945 г. – 6 972, в 1946 г. – 1 711, в 1947 г. – 1 566, в 1948 г. – 24 чел.

Особенно тяжелая клиническая картина дистрофии наблюдалась у военнопленных, поступавших в лагерь в 1942 г. из ленинградской тюрьмы НКВД № 11. Они долгое время получали сокращенный паек (так называемую ленинградскую норму). Приглашенный для консультации военврач 1-го ранга профессор Белинский после осмотра больных подтвердил типичную картину алиментарной дистрофии⁵⁵ с наслоением пеллагры⁵⁶, отметив, что лагерная норма питания по своей калорийности недостаточна для лиц, занятых физической работой, особенно в зимний период, и дал ряд рекомендаций по диагностике и терапии заболевания⁵⁷.

Состояние здоровья военнопленных напрямую влияло на рентабельность лагеря. За 1942–1948 гг. по причине болезни военнопленных лагерем было потеряно в общей сложности 590 386 человекодней, что обернулось для государства недополучением как минимум 4,8 млн руб.⁵⁸ МВД СССР требовало от медработников вести планомерную работу по повышению физического состояния военнопленных, подчеркивая, что данное мероприятие имеет «большое государственное и политическое значение»⁵⁹.

⁵⁴ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 65.

⁵⁵ Дистрофия алиментарная (отечная болезнь) – глубокое нарушение обмена веществ, с исхуданием, слабостью, отеками и т.д., обусловленное белковым голоданием, сочетающимся с другими неблагоприятными воздействиями (холод, физическое и психическое напряжение и др.).

⁵⁶ Пеллагра (от итал. *pelle agra* – шершавая кожа) – заболевание, вызванное недостатком в организме никотиновой кислоты и других витаминов группы В; проявляется поражением кожи и слизистых оболочек, поносами, нервно-психическими расстройствами.

⁵⁷ Докладная записка начальника лагеря № 158 капитана госбезопасности В.С. Королева и начальника санитарного отделения военврача 2-го ранга П.П. Солюса на имя начальника УПВИ НКВД СССР майора госбезопасности П.К. Сопруненко «О борьбе с явлениями дистрофии и пеллагры среди контингента военнопленных» от 21 ноября 1942 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 195. Л. 36–36 об.

⁵⁸ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 66.

⁵⁹ Там же. Л. 66–67. Для работников санитарных отделений лагерей был издан «Сборник приказов и директив МВД СССР и распоряжений ГУПВИ МВД СССР по вопросам медико-санитарного обслуживания военнопленных» (Москва, 1946). Помещенные в сборнике документы были сгруппированы в девять разделов и охватывали такие вопросы, как медико-санитарные мероприятия в лагерях, санитарно-пищевой надзор, мероприятия по борьбе с алиментарной дистрофией и авитаминозами, врачебный контроль за трудовым использованием, вопросы медицинского снабжения и т.д. См.: Сборник приказов и директив

В соответствии с указанием народного комиссара внутренних дел СССР С.Н. Круглова лаготделение № 1 лагеря № 158 в феврале 1946 г. было переформировано в оздоровительное. В связи с этим были проведены строительно-ремонтные работы по дооборудованию жилых и служебных помещений, благоустройству лагерной территории и строительству коммунально-бытовых зданий с целью доведения лаготделения до образцового состояния⁶⁰.

В 1947 г. в лагере открылась комната отдыха, через которую прошло 2 650 военнопленных из числа лучших производственников. Систематическое проведение профилактических и медико-санитарных мероприятий позволило добиться значительного снижения заболеваемости. В 1947 г. в лагере не было зафиксировано ни одного случая инфекционного заболевания, на 40–45 % сократились простудные заболевания, полностью были ликвидированы обморожения, до минимума сведен производственный травматизм⁶¹.

Военнопленные оздоровительной команды лагеря № 158 на отдыхе

Источник: РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 67

Лечебные мероприятия сочетались с санитарно-просветительской работой, направленной на предупреждение производственных травм, обморожений и инфекционных заболеваний. Врачи из числа военнопленных знакомились с организацией медицинской работы в больницах и госпиталях Череповца. Для

МВД СССР и распоряжений ГУПВИ МВД СССР по вопросам медико-санитарного обслуживания военнопленных // Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 475. Л. 168–372.

⁶⁰ Директива начальника ГУПВИ НКВД СССР М.С. Кривенко № 8/6/161 на имя начальника УНКВД Вологодской области Н.И. Слякоткина о переформировании лаготделения № 1 лагеря № 158 и лагеря № 437 в оздоровительные от 8 февраля 1946 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 35. Л. 73–75.

⁶¹ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 71.

них проводились конференции по лечению таких заболеваний, как пневмония, дистрофия, туберкулез.

Медицинское снабжение лагеря осуществлялось со складов Архангельского военного округа. Среди лекарственных препаратов преобладали трофейные, что облегчало организацию лечебного процесса для немецких врачей, которые хорошо знали свои медикаменты. В 1947 г. в лагерь поступила крупная партия (50 млн единиц) канадского пенициллина. перевязочный материал (марля и бинты) был отечественного производства. Дополнительно к плановому снабжению лагерю отпускались денежные средства (от 25 до 30 тыс. руб. в квартал) для закупки недостающих медпрепаратов в местной аптечной сети⁶².

За период существования лагеря № 158 умерли 2 145 чел. (4,9 % от общей численности контингента), в том числе: в 1942 г. – 15, в 1943 г. – 32, в 1944 г. – 600, в 1945 г. – 1 341, в 1946 г. – 135, в 1947 г. – 20, в 1948 г. – 2 чел.⁶³ Эти цифры опровергают точку зрения некоторых германских историков о повальной смертности военнопленных в советских лагерях. Наоборот, приведенная статистика показывает, что сотрудникам лагеря, несмотря на неблагоприятные условия военного времени и послевоенной разрухи, удалось сохранить жизнь подавляющего большинства обезоруженных солдат и офицеров противника.

Политическая работа с военнопленными

Необходимость антифашистского перевоспитания неприятельских военнослужащих поставила вопрос об организации среди них планомерной политической работы. Первоначально антифашистская работа с пленными проводилась исключительно политаппаратом лагеря. Для сотрудников был организован кружок по изучению немецкого языка под руководством переводчицы Добровольской. В конце 1942 г. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР командировало в Череповецкий лагерь-распределитель военнопленных Кляйнера и Виргалло, окончивших Центральную антифашистскую школу (ЦАШ) в Красногорске. После их прибытия в лагере началось формирование антифашистского актива из бывших членов Коммунистической партии Германии и Социал-демократической партии Германии.

С целью повышения качества антифашистской работы в ЦАШ лагерем было откомандировано 436 военнопленных, в том числе: в 1943 г. – 75, в 1944 г. –

⁶² История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 72–73.

⁶³ Рассчитано по: Дело-формуляр лагеря № 158 (1949–1950 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 15а. Д. 146. Л. 7; История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 65.

130, в 1945 г. – 178, в 1946 г. – 42, в 1947 г. – 11 чел. После окончания ЦАШ в лагерь вернулись 22 чел., из которых в январе 1948 г. в лагере работали только 7 чел.⁶⁴

На 1 марта 1943 г. 20 % военнопленных лагеря заявили о своей солидарности с антифашистским движением. В подписанной ими резолюции говорилось:

Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы наш народ скорее нашел путь к миру и свободе. Мы поднимаем свой голос, чтобы немецкий народ узнал правду. Мы подготовимся для будущей Германии и ее мирного строительства. Только тогда, когда фронт и тыл, и мы, военнопленные, будем едины в стремлении к миру и свободе – наша борьба увенчается успехом⁶⁵.

Большую роль в организации политработы среди немцев сыграл член Центрального комитета КПГ, старший инструктор по антифашистской работе К. Бюргер, командированный в лагерь из Москвы. В 1948 г. он был отозван и направлен на работу в Германию. Работу с пленными финнами курировал инструктор А. Лесонен, работу с пленными испанцами – инструктор С. Хозе⁶⁶.

В июне 1943 г. среди немецких военнопленных были проведены 67 групповых бесед, 10 политинформаций, 6 собраний и митингов, 6 собраний антифашистского актива, 4 занятия в политкружке, 2 вечера художественной самодеятельности, были подготовлены 2 фотогазеты и 2 стенгазеты. По инициативе К. Бюргера пленными было написано 10 воззваний к солдатам и офицерам германской армии и 24 статьи в газету «Свободное слово» (“Das freie Wort”). Для сравнения: среди пленнх испанцев за этот же период были проведены 4 беседы и доклада, 3 производственных совещания, 2 вечера самодеятельности⁶⁷.

В июне 1943 г. для участия в учреждении Национального комитета «Свободная Германия» (Nationalkomitee “Freies Deutschland”) (далее – НКСГ) из числа военнопленных в Красногорск были отправлены два делегата – военнопленные Россом и Гоффман. После возвращения в лагерь ими была развернута пропаганда платформы НКСГ. О популярности целей НКСГ свидетельствует массовый рост его сторонников. Так, в июле 1943 г. к

⁶⁴ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 44.

⁶⁵ Там же. Л. 45.

⁶⁶ Требовательные ведомости на выдачу зарплаты сотрудникам лагеря МВД № 158 за январь–декабрь 1943 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 198. Л. 180 об.; Требовательные ведомости на выдачу зарплаты сотрудникам лагеря МВД № 158 за январь–июль 1944 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 199. Л. 83 об.

⁶⁷ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 45–46.

приверженцам НКСТ себя относили 107 пленных, в сентябре – 293, в ноябре – 623, в декабре – 1 126. За четвертый квартал 1943 г. в фонд поддержки НКСТ пленными было собрано денежных средств на сумму 10,4 тыс. руб. Всего в этой акции участвовали 878 военнопленных, которые вносили деньги за счет получаемого денежного довольствия⁶⁸.

Справедливости ради отметим, что далеко не все военнопленные поддерживали антифашистов. Описывая настроения обитателей лагерных барачков, бывший полковник вермахта Л. Штейдле отмечал:

Никто не хотел откровенно выражать свои мысли на митингах, во-первых, потому что боялся вызвать недовольство товарищей, а во-вторых, потому что здесь действовало правило: соблюдать осторожность⁶⁹. Большинство пленных занимали выжидательную позицию и говорили: «Мы вне политики. Оставим политику для лиц, которые ею занимаются»⁷⁰.

Тем не менее с течением времени все больше пленных начали интересоваться политическими вопросами. Эту трансформацию сознания отчасти объясняют слова обер-ефрейтора Вернинга:

Раньше я никогда не занимался политикой. Благодаря разговорам с товарищами и разъяснительным беседам здесь, в плену, я пришел к выводу, что политикой заниматься надо. Такие вопросы, как вопрос о мире, судьбе нашей родины – все это политические вопросы, и как они будут разрешены, зависит от нас самих⁷¹.

Демократизация взглядов венгров, румын, поляков и австрийцев шла быстрее, чем немцев. В июле 1943 г. австрийские военнопленные написали заявление с просьбой о создании в СССР Комитета борьбы за свободную и независимую Австрию. В октябре 1943 г. военнопленными было подготовлено 64 резолюции и обращения, из них 29 – финнами, 17 – австрийцами, 18 –

⁶⁸ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 46.

⁶⁹ Штейдле Л. От Волги до Веймара: Мемуары немецкого полковника, командира 6-й армии Паулюса / перевод с немецкого Н.М. Гнединой, М.П. Соколова. Москва: Прогресс, 1973. С. 258.

⁷⁰ Цит. по: Ежова Г.В. Великая Отечественная война и антифашистское движение «Свободная Германия»: историко-сравнительный анализ российской и немецкой литературы: дис. ... д-ра ист. наук. Северо-Западная академия государственной службы, 1998. С. 238.

⁷¹ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 46.

немцами, при этом немецкие военнопленные составляли 70 % контингента лагеря⁷².

В конце 1943 г. многие военнопленные выражали желание с оружием в руках бороться против фашизма. Половина поляков подписала коллективное заявление о направлении их в дивизию имени Т. Костюшко для борьбы за освобождение Польши. Кроме того, 216 австрийцев передали руководству лагеря коллективное заявление с просьбой направить их на фронт. Аналогичное желание высказывали некоторые немцы. Так, обер-ефрейтор германской армии Бельсемон (1923 г.р.) говорил:

Было бы неплохо военнопленных антифашистов сбросить с самолетов в тыл немцев. Они бы начали нечто вроде партизанского движения и имели бы возможность поддержать Красную армию⁷³.

К 1944 г. количество антифашистов в лагере достигло 1 500 чел., в том числе активистов – 130 чел., что облегчало проведение антифашистской работы. Круг участников антифашистского движения заметно расширился. К популяризации платформы НКСГ активно привлекались противники гитлеризма из числа священников. Так, в июле 1944 г. в лагерь № 158 для проведения богослужения из Красногорска прибыли уполномоченные НКСГ обер-ефрейтор Герберт Генерсдорфер и рядовой Карл Беккер. Последний был оставлен в качестве постоянного священника лагеря и поселен в офицерский барак. Политотделению лагеря предписывалось всемерно содействовать в организации богослужений среди военнопленных⁷⁴.

С большим интересом военнопленными была принята делегация Союза немецких офицеров во главе с генерал-лейтенантом Даниэльсом, полковником Чиматисом и капитаном Домашком, прибывшая в лагерь 2 апреля 1944 года.

Динамика роста численности антифашистов в лагере № 158 в 1944 г. показана в табл. 4⁷⁵.

⁷² История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 45–46.

⁷³ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 45–46.

⁷⁴ Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...». Т. 1. С. 346.

⁷⁵ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 49.

Таблица 4

Численность антифашистов в лагере № 158 в 1944 году

Национальность	Январь 1944 г.	% к списочному составу	Октябрь 1944 г.	% к списочному составу
Немцы	1191	84	2053	97
Австрийцы	73	84	281	99
Испанцы	17	7	180	90
Финны	261	43	425	97

Рост числа антифашистов, количество которых в лагере № 158 к концу 1944 г. достигло почти 3 тыс. чел., позволил использовать идеологические рычаги для повышения производительности труда. 16 марта 1943 г. на собрании военнопленных был заключен первый трудовой договор. Его подписали все восемь бригад, организованных в то время в лагере. Трудовое соревнование проходило под лозунгом «За мир и дружбу с великим советским народом». Военнопленными была поставлена цель: выполнять нормы не ниже 100 % и соблюдать производственную дисциплину⁷⁶.

В 1944 г. в лаготделении № 1 был построен клуб, в честь чего было проведено торжественное собрание. В президиуме находились представители от каждой нации, которые получили право выступить с речью. В дальнейшем клуб стал центром культурно-массовой работы в лагере⁷⁷.

Благодаря появлению клуба существенно расширились формы политической работы с контингентом, о чем свидетельствуют данные табл. 5⁷⁸.

Таблица 5

Формы антифашистской работы с военнопленными в лагере № 158 в 1944 году

Формы антифашистской работы	С немцами	С финнами	С испанцами	С пленными других национальностей
Собрания и митинги	245	87	68	31
Доклады и лекции	186	117	109	65
Конференции	30	25	34	2
Политбеседы	7 053	484	857	101
Занятия в политкружках	73	50	73	30

Еще одной формой политработы с военнопленными помимо собраний, митингов и конференций стала подготовка коллективных обращений, воззваний и листовок, адресованных воюющим на советско-германском фронте солдатам вермахта. В 1944 г. военнопленными 158-го лагеря было

⁷⁶ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 47.

⁷⁷ Емельянов Н. Череповецкий лагерь НКВД для военнопленных № 158. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/9vo/isk/7.htm> (дата обращения: 05.02.2024).

⁷⁸ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 48.

подготовлено 113 обращений с 13 100 подписями, 90 воззваний с 9 386 подписями, 323 листовки с 5 494 подписями. Кроме того, было подано 7 коллективных заявлений о вступлении в добровольческие антифашистские формирования. Их подписали 743 немца и 446 пленных других национальностей. Также поступило 1 070 индивидуальных заявлений с аналогичной просьбой от 699 немцев, 118 финнов, 92 испанцев и 89 австрийцев⁷⁹.

10 августа 1944 г. в лагере прошло собрание, на котором впервые присутствовали 28 пленных офицеров германской армии. Оно началось со вступительной речи начальника лагеря капитана И.И. Тимошенко о варварстве и бесчеловечности гитлеровских захватчиков на советской земле. Далее были заслушаны публичные свидетельства немецких солдат и офицеров, касавшиеся фактов насилия, зверств и злодеяний над мирными советскими гражданами, сопровождаемые показом фотографий, обнаруженных у военнопленных⁸⁰.

С этого времени немцы стали активнее участвовать в разоблачении участников зверств и злодеяний, совершенных германской армией. Так, на собрании военнопленных 17 сентября 1944 г. при обсуждении материала о зверствах фашистов в г. Люблине выступили 12 чел., которые назвали фамилии конкретных участников зверств, находившихся в лагере, а военнопленные Шабе, Шотт, Нокк, Мерленс сознались в преступлениях на территории СССР. После этого в Управление лагеря поступило еще 113 заявлений с сообщением конкретных фактов зверств и с указанием их организаторов и участников. Всего в 1944–1945 гг. военнопленными было направлено 1 119 таких заявлений⁸¹.

В ноябре 1944 г. офицеры-антифашисты приняли обращение к офицерам лагеря о снятии знаков различия, отличия и почета, учрежденных в гитлеровской армии. Антифашисты сделали это первыми, за ними последовали многие немецкие офицеры.

Основными задачами политической работы в начале 1945 г. являлись следующие: изучение настроений прибывших военнопленных и их отношения к войне; демонстрация преступного характера войны со стороны Германии и освободительного характера войны со стороны СССР; разоблачение нацистской идеологии и пропаганда ленинско-сталинской политики равноправия рас и наций; разъяснение военнопленным их ответственности за ущерб, причиненный Советскому Союзу, и формирование добросовестного

⁷⁹ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 48–49.

⁸⁰ Стенограмма собрания военнопленных офицеров лагеря № 158 от 10 августа 1944 г. // Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...». Т. 1. С. 391–396.

⁸¹ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 49.

отношения к труду; воспитание демократических убеждений и организация антифашистского движения в лагере.

В связи с успешным наступлением советских войск и их приближением к границам Германии среди военнопленных усилилась работа по написанию обращений к немецкому населению. В январе 1945 г. военнопленными лагеря № 158 было подготовлено 20 воззваний, адресованных жителям Саксонии, Баварии, Берлина, Кельна, Мекленбурга, а также заявление с осуждением убийства советских парламентариев в Будапеште⁸². В одном из обращений говорилось:

Трудящиеся Берлина и Бранденбурга! Вам незачем опасаться Красной армии... Она вступает в страну не для того, чтобы уничтожить вас, а чтобы свергнуть гитлеровскую клику⁸³.

Весной и летом 1945 г. в лагерь поступило много военнопленных, которые были пленены на территории Германии. Вместо ожидаемого отпуска по домам после капитуляции они были направлены в Советский Союз. С другой стороны, солдаты и офицеры германской армии, которые долгое время находились в плену, осознали, что их надежды на скорое возвращение домой также оказались напрасны. Так, бывший военнопленный Бернхард Плюсвик в интервью журналисту череповецкой газеты «Речь» вспоминал:

В течение плена меня никогда не покидало чувство безысходности. Казалось, что я проведу в этих проклятых лагерях всю свою жизнь. Состояние подавленности не проходило месяцами⁸⁴.

Учитывая морально-психологическое состояние контингента, руководство лагеря приняло решение об усилении антифашистской работы. В мае 1945 г. среди военнопленных было проведено 9 митингов и собраний, 147 групповых бесед, 30 политинформаций, 34 занятия в политкружках, 7 вечеров вопросов и ответов, 15 докладов и лекций. В это же время активно развивалась лагерная самодеятельность. В лагере работали музыкальный, хоровой, драматический кружки, в которых состояло 180 военнопленных. Участниками

⁸² Обращения военнопленных немецкой армии, содержащихся в лагере НКВД № 158, к жителям городов и областей Германии о прекращении войны // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 16. Л. 34.

⁸³ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 53.

⁸⁴ Из воспоминаний бывшего военнопленного Бернхарда Плюсвика // Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...». Т. 1. С. 464.

самодеятельности был сочинен ряд пьес, стихотворений и музыкальных произведений⁸⁵.

Отправка первых партий ослабленных и больных военнопленных на родину летом 1945 г. также негативно отразилась на настроениях военнопленных, включая представителей антифашистского актива. Среди пленных начала формироваться тенденция к умышленному ухудшению своего физического состояния, вплоть до открытого членовредительства, с целью быстрее вернуться на родину. К примеру, военнопленный Бойтельсбахер, ранее дважды предпринимавший попытки бежать из лагеря, во время нахождения в штрафной роте лаготделения «Дедово поле» умышленно снял сапоги и отморозил ноги и руки⁸⁶. Для борьбы с подобными фактами проводились беседы о вреде членовредительства и необходимости бережного отношения к здоровью. Политаппаратом был установлен контроль за приемом пищи пленными, а также за разоблачением симулянтов и саботажников.

В 1945 г. отделение по антифашистской работе было подчинено оперативно-чекистскому отделу лагеря, что позволило координировать проведение политической и оперативной работы, а также повысило эффективность мероприятий по выявлению военных преступников. В 1945 г. в лагере были разоблачены 23 участника зверств. Изучение военнопленных в тесном контакте с оперработниками позволило очистить антифашистский актив от «балласта» и «профашистского элемента». Так, в лагере был отстранен от должности политрук одной из рот Гельмут Шендлиг, в прошлом являвшийся нацистским пропагандистом⁸⁷.

Материалы собраний пленных и принятые на них резолюции свидетельствуют о том, что в 1946 г. политическая активность военнопленных значительно выросла. Так, в четвертом квартале 1946 г. военнопленными лагеря № 158 были написаны 21 коллективное обращение, 1 952 индивидуальных письма, 32 статьи в антифашистские газеты. Одновременно пленные отправили своим родным и знакомым 1 894 почтовые карточки с призывом поддержать на выборах КПГ и СЕПГ в «борьбе против реакции»⁸⁸.

⁸⁵ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 53.

⁸⁶ Докладная записка оперативного отдела лагеря № 158 на имя начальника ОПВИ УМВД Вологодской области подполковника С.Г. Борисова о фактах вредительства и саботажа среди военнопленных на производстве от 6 апреля 1946 года // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 37. Л. 133–133 об.

⁸⁷ Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света». Т. 1. С. 349.

⁸⁸ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 56.

В феврале 1946 г. в лагере состоялось собрание военнопленных с целью поддержки Международного военного трибунала в Нюрнберге и осуждения военных преступлений, совершенных нацистской Германией. На этом собрании выступили немцы Г. Мертенс и В. Кляйн, ранее служившие в охране концлагерей Освенцим и Заксенхаузен. В ужасающих подробностях они описали жизнь в лагерях смерти. В частности, они заявили:

По сравнению с жизнью там мы живем здесь как в доме отдыха. Четвертая группа (страдающие дистрофией. – А. К.) здесь, по сравнению с самыми «жирными» военнопленными там, является толстой⁸⁹.

Резолюция собрания, скрепленная 53 подписями, гласила:

Мы требуем строжайшего наказания и привлечения к ответственности всех тех лиц, которые провинились против мира и человечества, так как лишь уничтожением этой чумы мир, а также новая демократическая Германия сумеют добиться настоящего мира и покоя⁹⁰.

В октябре 1946 г. военнопленные-антифашисты лагеря № 158 направили обращение к Контрольному совету в Германии⁹¹, в котором требовали предать суду оправданных Международным военным трибуналом Я. Шахта, Ф. Папена и Г. Фриче⁹².

⁸⁹ Протокол собрания военнопленных солдат и офицеров в клубе 1-го лагерного отделения лагеря № 158 от 9 февраля 1946 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 226. Л. 31–35 об.

⁹⁰ Там же. Л. 36.

⁹¹ Контрольный совет в Германии – совместный орган СССР, США, Великобритании и Франции, утвержденный в 1945 г. для осуществления верховной власти в Германии на период ее оккупации. Издал законы о демонополизации, денацификации, искоренении германского милитаризма и др. Работа Контрольного совета была прекращена в марте 1948 г. в связи с обострением отношений между СССР и западными державами.

⁹² Дело исходящих документов по подучетному элементу за 1946 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 226. Л. 129. В конце сентября – начале октября 1946 г. Международный военный трибунал огласил приговор, в котором была дана оценка преступной деятельности нацистского режима. Трибунал приговорил Г. Геринга, И. Риббентропа, В. Кейтеля, Э. Кальтенбруннера, А. Розенберга, Г. Франка, В. Фрика, Ю. Штрейхера, Ф. Заукеля, А. Йодля, А. Зейсс-Инкварта и М. Бормана (заочно) к смертной казни через повешение, Р. Гесса, В. Функа и Э. Редера – к пожизненному заключению, В. Шираха и А. Шпеера – к 20 годам, К. Нейрата – к 15 годам, К. Деница – к 10 годам тюремного заключения, Г. Фриче, Ф. Папен и Г. Шахт были оправданы. Трибунал объявил преступными организации СС, СД, гестапо, руководящий состав национал-социалистической партии (НДСАП), но не признал таковыми СА, германское правительство, генштаб и верховное командование вермахта. Член трибунала от СССР Р.А. Руденко заявил

Основной упор в антифашистской работе в 1946 г. был сделан на развертывание трудового соревнования и повышение производительности труда с целью добиться рентабельности лагеря и выполнения производственного плана. Главная задача заключалась в мобилизации военнопленных на борьбу с нарушениями лагерного режима и трудовой дисциплины. Особое значение придавалось организации стенной печати, которая отражала трудовые показатели и была направлена на популяризацию лучших работников, борьбу с отказчиками и симулянтами.

Важную роль в организации культурно-массовой работы в лагере сыграла звуковая кинопередвижка марки «К-101», полученная при помощи Политотдела ГУПВИ МВД СССР. В 1947 г. для военнопленных было проведено 105 киносеансов. Кроме того, Череповецкий городской драматический театр организовал для контингента и сотрудников лагеря 13 спектаклей. В свою очередь, Ленинградская филармония провела 8 концертов⁹³.

В 1947 г. завершилось формирование структуры лагерного политаппарата. На основании директивы МВД СССР № 112сс были введены штатные должности функционеров по антифашистской работе (5 чел. – на управление лагеря, 3 чел. – на лаготделение). Руководство политработой осуществляли заместитель начальника управления лагеря по политической части и начальник отделения по антифашистской работе. За проведение политработы непосредственно отвечал руководитель антифашистского актива из числа военнопленных. Ему подчинялись три функционера: заместитель руководителя актива по работе среди молодежи, инструктор кружков политвоспитания и организатор культурно-массовой работы⁹⁴. Функционеры из числа антифашистов имели право на бесконвойное передвижение, питание по повышенной норме, ежемесячное денежное довольствие в размере 100 руб.⁹⁵

На основании директивы ГУПВИ от 28 февраля 1947 г. все ранее зачисленные в актив военнопленные были подвергнуты проверке, те, кому отказали в доверии, были вычеркнуты из списков антифашистов. Отныне в актив зачислялись только те военнопленные, которые вели активную политическую работу, руководили бригадами, участвовали в организации трудового соревнования. Включение в список антифашистов осуществлялось

в «особом мнении» о несогласии с оправданием трех подсудимых и высказался за смертную казнь в отношении Р. Гесса.

⁹³ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 40.

⁹⁴ Приказы по личному составу лагеря № 437 за 1947 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 324. Л. 85.

⁹⁵ Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света». Т. 1. С. 352.

после утверждения кандидатуры начальником лагерного политотдела (политотделения).

С целью подготовки антифашистских функционеров проводился отбор военнопленных на областные и общесоюзные антифашистские курсы. Областные антифашистские курсы, организованные при Управлении лагеря № 158, осуществили 20 наборов и выпустили 746 антифашистов⁹⁶. Руководителем курсов являлся старший инструктор по антифашистской работе М. Шумахер. На выпускных экзаменах слушатели показали следующие результаты: «отлично» – 65 %, «хорошо» – 32 %, «удовлетворительно» – 2 %. За успешное освоение программы курсантами старший инструктор М. Шумахер был премирован путевкой на курорт⁹⁷.

Герб областной антифашистской школы для военнопленных в г. Вологде
Источник: Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

В период массовой репатриации политическая работа с военнопленными вступила в завершающую стадию. Главная задача заключалась в формировании у военнопленных положительного отношения к СССР и убеждения в необходимости проведения преобразований по советскому образцу в их странах. Во втором полугодии 1947 г. в лагере было проведено 869 групповых бесед, 436 лекций и докладов, 254 собрания, 153 собрания антифашистского актива, 57 семинаров для руководителей политкружков, 29 митингов, 251 концерт, 18 спектаклей, показано 65 кинокартин. Как отмечали сотрудники

⁹⁶ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 44. Л. 40–41.

⁹⁷ Приказ УМВД по Вологодской области № 0079 «О поощрении работников лагерей МВД для военнопленных № 158 и 437» от 30 августа 1947 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 14. Листы не пронумерованы.

политаппарата лагеря, на 1 ноября 1947 г. 98 % военнопленных солидаризировались с антифашистским движением⁹⁸. Таким образом, можно сделать вывод об успешной денацификации и демилитаризации сознания военнопленных.

Репатриация

С приближением окончания Второй мировой войны все бóльшую актуальность приобретал вопрос о возвращении военнопленных на родину. Гагская (1907) и Женевская (1929) конвенции предусматривали репатриацию военнопленных в кратчайший после заключения мира срок. 19 сентября 1944 г. в Москве между СССР и Великобританией, с одной стороны, и Финляндией, с другой, было подписано Соглашение о перемирии, которое предусматривало взаимный обмен пленными. В документе говорилось, что Финляндия немедленно освободит из плена всех советских, британских и американских военнослужащих. Одновременно с этим СССР и союзные державы передадут Финляндии ее бывших солдат и офицеров⁹⁹.

Соглашение о перемирии положило начало репатриации финских военнопленных из СССР. Накануне репатриации в лагере № 158 был сконцентрирован почти весь контингент финских военнопленных периода Великой Отечественной войны. В 1944 г. из лагеря на родину было отправлено 1 805 финских солдат и офицеров, в 1945 г. – еще 124 чел.

Летом 1945 г. началась репатриация военнопленных других национальностей. В первую очередь, отправке на родину подлежали военнопленные, не пригодные по своему физическому состоянию к труду. Для отбора указанных категорий военнопленных в лагере была сформирована медицинская комиссия. В списки репатриантов включались инвалиды, больные туберкулезом и дистрофией, а также военнопленные, длительное время содержавшиеся в оздоровительных командах.

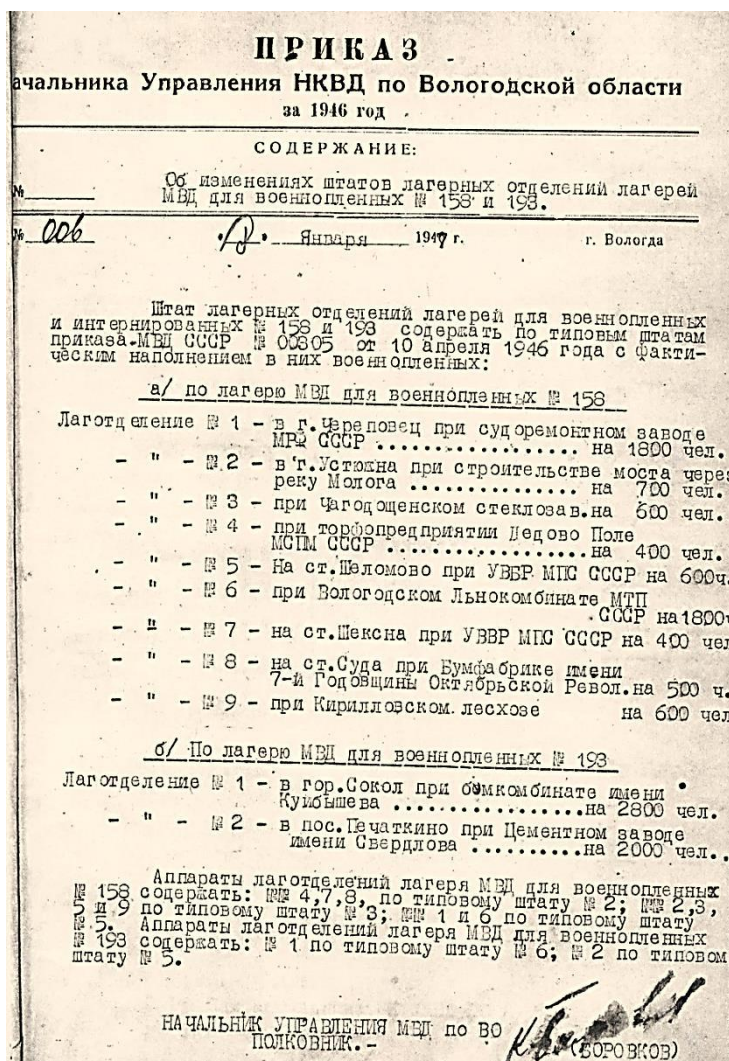
В 1945 г. из лагеря № 158 было отправлено на родину и в другие регионы СССР 19 097 чел., в том числе в г. Франкфурт-на-Одере (Германия) – 1 314 чел., г. Сигет (Румыния) – 452 чел., г. Пирно (Румыния) – 2 393 чел., г. Фокшаны (Румыния) – 1 328 чел., г. Унгены (Румыния) – 936 чел., Финляндию – 124 чел., в лагерь № 65 – 1 055 чел., другие лагеря и спецгоспитали – 11 495 чел.¹⁰⁰

⁹⁸ История лагеря МВД № 158 (1942–1948 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 26. Л. 57–58.

⁹⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы / под редакцией С. Майорова. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1946. Т. 2. 1 января – 31 декабря 1944 г. С. 217–218.

¹⁰⁰ Дело-формуляр лагеря № 158 (1949–1950 гг.) // РГВА. Ф. 1/п. Оп. 15а. Д. 146. Л. 5.

Перед отправкой военнопленные проходили санобработку, обеспечивались чистым нательным бельем, отремонтированной одеждой и обувью. Поданные под погрузку вагоны оборудовались нарами, кухнями, бачками под воду. Кроме того, лагерь снабжал их ведрами, котлами, мисками, кружками, дровами и продовольствием на 25 суток пути¹⁰¹.

Приказ УМВД по Вологодской области № 006 от 18 января 1947 г. об изменении штатов лагерных отделений лагерей для военнопленных № 158 и 193

Источник: Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 14. Листы не пронумерованы

В июне 1946 г. Совет министров СССР принял постановление № 1263-519сс, в соответствии с которым из Вологодской области намечалось вывезти 2 870 нетрудоспособных военнопленных, в том числе 1 550 из лагерей и 1 320 из спецгоспиталей¹⁰². В сентябре 1947 г. из лагерей Вологодской

¹⁰¹ Всеволодов В.А. «Ступайте с миром»: к истории репатриации немецких военнопленных из СССР (1945–1958 гг.). Москва: Московский издательский дом, 2010. С. 142–143.

¹⁰² Приказы МВД СССР за 1947 год // Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 474. Л. 37.

области для работы на угледобывающих предприятиях Донбасса были направлены 1 500 военнопленных, в том числе 530 чел. из лагеря № 158, для чего было выделено 20 вагонов¹⁰³.

Таким образом, репатриация была длительным и сложным процессом. Возвращение пленных на родину замедлялось использованием трудоспособного контингента на восстановлении народного хозяйства после окончания войны. В марте 1948 г. последние военнопленные покинули территорию лагеря, после чего он был расформирован.

Заключение

Изучение практики содержания военнопленных германской армии и ее союзников на примере Череповецкого лагеря № 158 наглядно свидетельствует о том, что в период Великой Отечественной войны СССР не ставил целью уничтожение военнопленных, как это имело место в лагерях гитлеровской Германии. Несмотря на нехватку материальных ресурсов в стране, военнопленные обеспечивались питанием, одеждой, получали медицинскую помощь. Большое внимание уделялось организации лагерного быта и досуга военнопленных. Наряду с этим с бывшими военнослужащими противника проводилась усиленная политическая работа по разоблачению нацистской идеологии, антифашистскому перевоспитанию и подготовке к мирной жизни после возвращения на родину. Благодаря проводимым мероприятиям, большинство военнопленных сумели пережить плен и вернуться домой.

¹⁰³ Приказ МВД СССР № 00968 «О передаче в угольную промышленность и на строительство топливных предприятий 139 100 военнопленных за счет снятия их с работ других министерств» от 15 сентября 1947 г. // Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 494. Л. 264–270; Военнопленные в СССР. С. 700–702.

Introduction

The history of wars and armed conflicts inexorably reminds us of the responsibility of those vested with state power for the lives of soldiers and officers who found themselves in enemy captivity. Unfortunately, the violation of the rights of prisoners of war is still a common and cruel reality these days. That is why the historical experience of treating prisoners of war deserves the closest attention.

During the Great Patriotic War, Soviet troops captured over 5 million enemy soldiers. After the surrender of Germany and its allies, most of the enemy's military personnel were sent to the camps of the Main Directorate for Prisoners of War and Internees of the NKVD–MVD of the USSR. In the territory of the USSR, there was a kind of “Camp International,” which included representatives of more than 60 nationalities.¹

A detailed analysis of the historiography of the issue of foreign prisoners of war in the USSR is given in the publications of the author of this article.² Therefore, we will focus only on the key points. During the Great Patriotic War, the issue of the treatment of captured enemy soldiers became an instrument of the ideological struggle between the Soviet Union and Nazi Germany. The Nazi propaganda organs launched a myth about the horrors of Soviet captivity, according to which any soldier and officer of the German army who stopped resisting and surrendered to the Bolsheviks would face terrible torment and imminent death. In turn, Soviet political organizations promoted the thesis of humane treatment of disarmed enemies in their propaganda materials and called on the Wehrmacht soldiers and their allies to surrender to the Red Army, guaranteeing good treatment and return to their homeland after the end of the war.³

During the Cold War, the topic of Soviet captivity remained the subject of political speculation for many years. Taking advantage of the lack of their citizens' awareness of the actual state of affairs, individual politicians, writers, and journalists in the

¹ M.M. Zagorul'ko, S.G. Sidorov, and T.V. Tsarevskaya, comps., *Prisoners of War in the USSR. 1939–1956: Documents and Materials* [in Russian] (Moscow: Logos, 2000), 12.

² V.B. Konasov, and A.L. Kuz'minykh, *German Prisoners of War in the USSR: Historiography, Bibliography, References and Conceptual Framework* [in Russian] (Vologda: Vologodskii institut razvitiya obrazovaniya, 2002); A.L. Kuz'minykh, “Foreign Prisoners of the Second World War in the USSR: Historiographical Aspect of the Problem” [in Russian], in *The USSR, Its Allies and Enemies in the Second World War: Political Discourse, Historiographical Discussions, Teaching Problems: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 65th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 (April 21–22, 2010)* (Moscow: RGGU, 2010), 230–37; A.L. Kuz'minykh, “Soviet Military Captivity and Internment as a Historiographical Problem” [in Russian], *Rossiiskaya istoriya*, no. 3 (2012): 158–74.

³ A.L. Kuz'minykh, *Military Captivity and Internment in the USSR (1939–1956)* [in Russian] (Vologda: Drevnosti Severa, 2016), 286–88, 310–11.

Federal Republic of Germany continued to whip up the myth of the inhumane treatment of captured soldiers and officers of the Wehrmacht in the USSR.

In 1957, the problem of German prisoners of war was declared a priority area of study in Germany and was granted support at the government level. The result of years-long work was a 15-volume collective publication *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges* [On the History of German Prisoners of the Second World War]. Seven volumes of this publication described the captivity of German prisoners of war in the Soviet Union.⁴ Relying mainly on the materials of oral history obtained in the process of interviewing and questioning prisoners of war, the authors of this work provided data on the location of camps, custodial control, mortality, labor use, antifascist work, and prosecution of disarmed soldiers and officers of the Wehrmacht. One of the conclusions of the study was that if compared with American, British or French captivity, Soviet captivity represented the worst ordeal for prisoners of war.

In the USSR, the study of the problem of military captivity was mainly limited to the history of the antifascist resistance movement, primarily to the activities of the National Committee for a Free Germany.⁵ Other aspects of the stay of German

⁴ K. Bährens, *Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion*, *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges*, hrsg. E. Maschke, Bd. 5 (1–3) (München-Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1965); K. Böhme, *Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand: Eine Bilanz*, *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges*, hrsg. E. Maschke, Bd. 7 (München-Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1966); D. Cartellieri, *Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Die Lagergesellschaft. Eine Untersuchung der zwischenmenschlichen Beziehungen in den Kriegsgefangenenlagern*, *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges*, hrsg. E. Maschke, Bd. 2 (München-Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1967); H. Fleischhacker, *Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Der Faktor Hunger*, *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges*, hrsg. E. Maschke, Bd. 3 (München-Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1965); W. Ratza, *Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Der Faktor Arbeit*, *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges*, Bd. 4 (München-Bielefeld: Giesecking, 1973); G. Robel, *Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Antifa*, *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges*, hrsg. E. Maschke (München-Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1974); W. Schwarz, *Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Aus dem kulturellen Leben*, *Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges*, hrsg. E. Maschke (München-Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1969).

⁵ A.S. Blank, *National Committee for a Free Germany, the Center of the Anti-Fascist Struggle of German Patriots. 1943–1945* [in Russian] (Vologda: Knizhnoe izdatel'stvo, 1963); A.S. Blank, and B. Loewel, *Our Goal is a Free Germany. From the History of the Antifascist Movement for a Free Germany. (1943–1945)* [in Russian] (Moscow: Mysl', 1969); L.I. Gintsberg, *The Struggle of German Patriots against Fascism. 1939–1945* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1987); N.G. Pogrebnoi, "Participation of German Antifascists in the Battles against the Nazi Invaders during the Great Patriotic War" [in Russian], *Ukrainskii istoricheskii zhurnal*, no. 2 (1964): 64–69.

prisoners of war in the USSR did not receive proper scholarly attention. Perhaps, the only attempt at a comprehensive study of the history of the detention of German soldiers in Soviet captivity was the book by famous German scholar A. Blank *Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR* [German prisoners of War in the USSR], published in German in Cologne in 1979.⁶ In general, Soviet historiography has established the point of view according to which the attitude of the Soviet state towards the disarmed enemy was humane, in contrast to Nazi Germany, which pursued a policy of mass extermination of Soviet prisoners of war.

In the late 20th – early 21st century, the historiographical situation changed dramatically in the context of democratic changes in the post-Soviet space. Historians obtained an opportunity to work with declassified archival documents, participate in international scientific conferences, and publish the results of their research, which recreated a fairly objective picture of the situation of German prisoners of war in the Soviet Union.⁷

Along with this, the best-selling books by Western journalists and historians in which the myth of the horrors of the “Russian captivity” continued to be actively promoted were published in Russia in long run.⁸

In this regard, the subject of this article is to study the organization of the detention of prisoners of war of the German army and its allies in the USSR referring to the example of the Cherepovets NKVD–MVD Camp no. 158 for prisoners of war. The methodological basis of the article rests upon the principles of consistency and

⁶ A. Blank, *Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR* (Cologne: Pahl-Rugenstein, 1979).

⁷ I.V. Bezborodova, *Prisoners of the Second World War: Wehrmacht Generals in Captivity* [in Russian] (Moscow: RGGU, 1998); V.A. Vsevolodov, “For Permanent Storage!” *A Brief History of the Prisoner-of-War and Internment Camp of the UPVI NKVD-MVD USSR No. 27 (1942–1950)* [in Russian] (Moscow: Moskovskii izdatel'skii dom, 2003); V.P. Galitskii, “Enemy Prisoners of War in the USSR (1941–1945)” [in Russian], *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 9 (1990): 39–46; S. Karner, *GUPVI Archipelago: Captivity and Internment in the Soviet Union. 1941–1956* [in Russian], trans. O. Aspisova (Moscow: RGGU, 2002); V.B. Konasov, *The Fate of German Prisoners of War in the USSR: Diplomatic, Legal and Political Aspects of the Problem. Essays and Documents* [in Russian] (Vologda: Izdatel'stvo Vologodskogo instituta povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki pedagogicheskikh kadrov, 1996); A.L. Kuz'minykh, *Foreign Prisoners of the Second World War in the North of the European USSR (1939–1949)* [in Russian] (Vologda: Knizhnoe nasledie, 2005); S.G. Sidorov, *Labor of Prisoners of War in the USSR, 1939–1956* [in Russian] (Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001); A.B. Suslov, *Prisoners in Perm Oblast (1929–1953)* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2010); A.V. Sharkov, *The GUPVI Archipelago: Prisoners of War and Internees in the Territory of Belarus: 1944–1951* [in Russian] (Minsk: Tesei, 2003); A. Hilger, *Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung* (Essen: Klartext-Verlag, 2000).

⁸ Y. Hoffmann, *Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945* (München: Verlag für Wehrwissenschaften, 1995); E. Beevor, *Stalingrad* [in Russian], trans. A. Zherebilov et al. (Smolensk: Rusich, 1999).

historicism of scientific analysis as well as the methods of local history and history of everyday life. The purpose of the study is to reconstruct the inner life of the camp by studying the sources and to identify specific features characterizing the detention of foreign prisoners of war in the USSR.

The focus on the history of Camp no. 158 is explained by the fact that it was the largest point for transportation and accommodation of prisoners of war in Northern European Russia. In 1942–48, over 43 thousand disarmed soldiers and officers of enemy armies passed through it. The process of forming the camp infrastructure, the number of its population, and its labor use are described in detail in the author's previous article.⁹

The history of Camp no. 158 is mentioned in the article by Yu. Rybalkin about the fate of Spanish prisoners of World War II in the USSR. It is indicated that 265 Spanish soldiers and officers of the 250th (Blue) division of the Wehrmacht passed through Camp no. 158, i.e. more than half of all Spaniards (442 people) who were captured by the Soviets during the war years.¹⁰ Interesting facts related to the detention of Finnish prisoners of war in Cherepovets are found in V. Galitskii's monograph *Finnish Prisoners of War in NKVD Camps (1939–1953)*.¹¹ For example, the author provides statistics on the movement of the prisoners of Camp no. 158 and the number of Finnish prisoners who died and were buried near Cherepovets.¹² The history of Cherepovets Camp no. 158 is partially considered in the publications of V. Konasov, A. Kuz'minykh, S. Starostin, and A. Sychev.¹³ Oral testimonies of

⁹ A.L. Kuz'minykh, "Cherepovets Prisoner-of-War Camp No. 158 (1942–1948): Structure, Population, Production Activity," *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 4 (2023): 1405–77, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-7>

¹⁰ Yu.E. Rybalkin, "Spanish Prisoners of the Second World War in the USSR" [in Russian], in *Problems of Military Captivity: History and Modernity: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Vologda, October 23–25, 1997)*, ed. E.A. Poromonov et al, pt. 2, 247–51 (Vologda: Izdatel'stvo Vologodskogo instituta povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki pedagogicheskikh kadrov, 1997).

¹¹ V.P. Galitskii, *Finnish Prisoners of War in the NKVD Camps (1939–1953)* [in Russian] (Moscow: Graal', 1997.).

¹² Galitskii, *Finnish Prisoners of War*, 141, 188–89.

¹³ V.B. Konasov, and A.L. Kuz'minykh, *Finnish Prisoners of World War II in the European North (1939–1955). Essays and Documents* [in Russian] (Vologda: Vologodskii institut razvitiya obrazovaniya, 2002); A.L. Kuz'minykh, S.I. Starostin, and A.B. Sychev, "Now I Have Come to the Ends of the Earth..." [In Russian] (Vologda: [n. p.], 2009); A.L. Kuz'minykh, *The GUPVI Archipelago in the North of the European USSR (1939–1949)* [in Russian] (Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2017); A.L. Kuz'minykh, "Camps for Prisoners of War and Internees in Vologda Oblast in 1939–1949" [in Russian], in *History of Penitentiary Institutions of the Vologda Region*, ed. A.L. Kuz'minykh, and N.S. Oboturova, 176–228 (Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2023).

Cherepovets residents about the activities of Camp no. 158 and the daily life of prisoners of war are considered in the article by N. Emel'yanov.¹⁴

Organization of custodial control and security

Prisoner of war camps were secured facilities of the NKVD. They had the necessary infrastructure for accommodation, life support, and protection of prisoners of war. According to the recollections of a former employee of Camp no. 158 V. Nikerova, in the territory of subcamp no. 1 in Cherepovets, which was located in the Makarinskaya Grove, there was a commandant's office, about 20 barracks, a canteen, a club, two hospital buildings (one for permanent prisoners and another one for the temporary prisoners). The national principle was used in the placement of prisoners of war. On average, about a hundred people lived in the barracks. The living quarters were heated with iron stoves; the prisoners were housed on two-story wooden bunks. Warehouses and outbuildings were located outside the camp area.¹⁵

¹⁴ N. Emel'yanov, "Cherepovets NKVD Camp No. 158 for Prisoners of War" [in Russian], in *Transactions of the Vologda Society for the Study of the Northern Krai*, iss. 9, ed. V.A. Sablin (Vologda: Drevnosti Severa, 2001), 111–13, accessed February 5, 2024, <https://www.booksite.ru/fulltext/9vo/isk/7.htm>

¹⁵ Emel'yanov, "Cherepovets NKVD Camp No. 158," <https://www.booksite.ru/fulltext/9vo/isk/7.htm>

Interior work at the construction of a new barrack in Camp no. 158 in Cherepovets

Source: S. Karner, *GUPVI Archipelago: Captivity and Internment in the Soviet Union. 1941–1956* [in Russian] (Moscow: RGGU, 2002), 188

The external protection of the camp and the escort of prisoners of war were carried out by the servicemen of the 250th regiment of the NKVD troops. The number of the guards depended on the number of prisoners of war being escorted. In accordance with the instructions on the procedure for the protection of prisoners of war dated March 24, 1942, the escort was one guard for 8 prisoners of war; according to the NKVD circular no. 332 dated June 26, 1943, one guard was assigned for 15 prisoners of war.¹⁷ In addition, auxiliary self-security teams were recruited from among the prisoners of war; their number was 230 people. Also, watchmen of household organizations (30 people) where prisoners of war worked were involved in guarding the contingent.¹⁸ As of January 1, 1947, 147 prisoners of war were released from escort in the camp. As a rule, they were commanders of battalions, companies, platoons, and antifascist activists.

In the territory of the camp zones, prisoners of war were guarded by watch staff. According to the instructions, two watchmen were assigned a 7.62 mm rifle and four hand grenades. Officers were armed with TT pistols. In addition, the camp

¹⁷ Zagorul'ko, Sidorov, and Tsarevskaya, *Prisoners of War in the USSR*, 178–79.

¹⁸ “Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)” [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, ll. 17–18. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv [Russian State Military Archive] (RGVA), Moscow, Russia.

administration had gas masks, a submachine gun, and a signal pistol.¹⁹ On November 10, 1947, the arsenal of Camp no. 158 included 54 rifles of the 1831/1930 model, 160 revolvers, 5 TT pistols, 5 submachine guns, 3 signal pistols, 330 hand grenades, 96 gas masks, 12 pocket lanterns, 22 small-caliber rifles.²⁰

In settlements within a 20–25 km radius from the subcamps, 65 teams of assistance (BS) were formed from local residents, whose task was to search for and detain prisoners of war if the latter escaped. The personnel of the camp's guard and security department conducted classes and briefings with the participants of the teams.²¹

Judging by the documentation of the camp, 29 escapes took place between 1945 and 1948, including 6 in 1945, 18 in 1946, 4 in 1947, and 1 in 1948. All of them were committed from production facilities and suppressed by camp staff and members of the teams of assistance. For instance, on April 19, 1945, A. Zaitseva, an employee of the post office of the Irdomatka village council of Cherepovets district, detained prisoner of war Bekker who had fled from his place of work (Ship Repair Plant). For the capture of the fugitive, she received a bonus of 300 roubles. On September 2, 1945, Spaniard Romidas escaped from the Cherepovets city power plant. He was detained on the same day by watchman Churakov at Cherepovets station.²²

¹⁹ “Prikaz NKVD SSSR № 00491 “S ob'yavleniem norm vooruzheniya dlya lichnogo sostava Upravleniya NKVD SSSR po delam o voennoplennykh i internirovannykh i Upravleniya lagerei voennoplennykh i spetskontingenta” ot 10 marta 1943 g.” [Order of the NKVD of the USSR no. 00491 ‘Containing the announcement of weapons standards for the personnel of the USSR NKVD Directorate for Prisoners of War and Internees and the Directorate of Prisoner of War Camps and Special Contingents’ as of March 10, 1943]. F. 6, op. 1, d. 441, ll. 65–67. Arkhiv Upravleniya MVD Rossii po Vologodskoi oblasti [Archive of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Vologda Oblast] (Arkhiv UMVD Rossii po VO), Vologda, Russia.

²⁰ “Vedomost' obespechennosti vooruzheniem i boepripasami lagerya MVD № 158 po sostoyaniyu na 10 noyabrya 1947 g.” [Register of the provision of weapons and ammunition of the MVD Camp no. 158 as of November 10, 1947]. F. 10, op. 1, d. 13, l. 255. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

²¹ Kuz'minykh, *The GUPVI Archipelago*, 149.

²² “Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)” [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, ll. 14–15. RGVA.

An aerial photograph of the city of Cherepovets taken by a German reconnaissance aircraft on June 26, 1942. The black frame in the upper left corner indicates the location of the Cherepovets prisoner-of-war distribution camp no. 158

Source: *Vologodskaya Pravda*, <https://pravda35.ru/cherepovec-1942/?ysclid=lv22cz0fnl734058933>

Each case of escape of prisoners of war was investigated. For example, on June 16, 1945, the staff of the operational department of Camp no. 158 informed Colonel of state Security N. Slyakotkin, head of the Vologda Oblast NKVD, about an attempted escape of prisoners of war:

At 2 p.m. on June 8, 1945, when prisoners of war were placed for work in the Erga subsidiary farm under the protection of watchman Fomichev, who alone guarded 72 prisoners of war, two prisoners of war of the German army escaped: Johann Max Berg (born in 1922) and Gunther Wilhelm Koch (born in 1927). Thanks to the search measures taken by the camp's operational department, the escape was liquidated at 6 p.m. on June 9. Prisoners of war Berg and Koch were detained 30 km away from the camp in the village of Laptevo of the Dmitrievskii village council in Petrinevskii district, hiding in a barn. . . Berg and Koch said that the escape had been prepared by a group of 4 people. The preparations for the escape were led by prisoner of war of the German army Joseph Michael Bobinger (born in 1920), who split the group in two of two people each. The first group was led by prisoner of war Berg, and the second was to be led by Bobinger

himself. The escape of the second group was to take place if the first group managed to escape safely undetained by the camp command. It was planned to get food for the escape route by stealing it from the population at night. Escapees Berg and Koch as well as Bobinger and Schetzel who were preparing to escape and knew about it were immediately removed from the subsidiary farm. An investigation was conducted. Its materials are attached. All four prisoners of war were disciplined for 10 days of strict arrest each with detention in the guardhouse of the camp.²³

As a rule, most of the escapes were made during the warmer months. The probability of a successful escape increased if prisoners of war knew the Russian language. For instance, Private Buzolig who spoke Russian escaped from the camp and in a week managed to reach the Polish border, where he was captured and sent back to the camp.²⁴

One can read the information about the escape of Spaniard Juan Jose Iribaren like a detective story. He escaped from the camp on December 28, 1946 and was detained three weeks later. He managed to get to Leningrad without any problems. There he worked as a porter for some time, then visited Tallinn and Keksholm. He lived on the doles from Soviet citizens and only after confessing to a militia man that he was a prisoner of war, Iribaren was returned to the camp.²⁵ Let us note that in 1948 The Main Directorate for Prisoners of War and Internees of the Ministry of Internal Affairs of the USSR was engaged in identifying the prisoners who were on the loose and lived in the territory of the USSR, illegally working in various organizations and enterprises.

Food and clothing provision for prisoners of war

In the war and post-war years, the supply of food to prisoners of war was an extremely difficult problem that required constant attention from the camp leadership.

²³ “Spetssoobshchenie operativnogo otdeleniya lagerya № 158 na imya nachal'nika UNKVD Vologodskoi oblasti polkovnika gosbezopasnosti N.I. Slyakotkina o popytke pobega voennoplennykh ot 16 iyunya 1945 g.” [Special message from the operative department of Camp no. 158 addressed to Colonel of State Security N.I. Slyakotkin, head of the Vologoda Oblast NKVD, about the attempted escape of prisoners of war as of June 16, 1945]. F. 10, op. 1, d. 9, l. 101–101 ob. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

²⁴ “Dokladnaya zapiska po agenturno-operativnoi rabote po lageryu № 158 za oktyabr' 1946 g.” [Memorandum on intelligence and operational work in Camp no. 158 for October 1946]. F. 10, op. 1, d. 36, l. 153. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

²⁵ “Dokladnye zapiski lagerei voennoplennykh Vologodskoi oblasti o sostoyanii agenturno-operativnoi raboty sredi voennoplennykh za 1-i kvartal 1947 g.” [Memoranda from prisoner-of-war camps in Vologda Oblast on the state of intelligence and operational work among prisoners of war for the 1st quarter of 1947]. F. 10, op. 1, d. 44, ll. 25–28. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

According to Order no. 91 of Cherepovets Distribution Camp no. 158 dated December 16, 1942, prisoners daily received 600 g of bread, 80 g of cereals, 80 g of meat or fish, 500 g of potatoes and vegetables, 13 g of butter, 10 g of sugar, and 25 g of tea and spicery.²⁶ In the future, the nutrition ration was revised and increased several times, but the caloric content of the daily ration during the war did not exceed 2500 calories, which negatively affected the physical condition of the prisoners.²⁷

M. Volkoedova, a former nurse of the camp recalls:

The prisoners were not fed enough. It is interesting how the prisoners ate. They would be given a ration of bread, then the main course (soup). They would first eat the bread, then drink all the liquid from the plate (iron bowl), and then eat the soup body with a spoon. The prisoners were dressed in all sorts of clothes. Most of them wore their greatcoats. In winter, many of them froze and died from the cold. The prisoners were sent to work (highways were built). Such an army would be taken out. . . They would barely walk, drag themselves along, stumble, and then fall. Some of them could not walk, looked like dystrophics. There was an escort with dogs nearby. Each time we recorded how many of them would leave the camp and how many would stay. . .²⁸

In order to prevent dystrophy among prisoners of war, Captain of State Security V. Korolev, who was the head of the camp, issued an order in November 1942. He

²⁶ “Prikaz № 91 nachal'nika Upravleniya lagerya NKVD № 158 ‘O vvedenii novykh norm dovol'stviya dlya voennoplennykh, o poryadke ucheta rabotayushchikh voennoplennykh i vydachi dopolnitel'nogo pitaniya (khleba) rabotayushchim voennoplennykh’ ot 26 dekabrya 1942 g.” [Order no. 91 of the head of the NKVD Camp no. 158 Administration ‘On the Introduction of New Food Standards for Prisoners of War, on the Procedure for Recording Working Prisoners of War and Issuing Additional Food (Bread) to Working Prisoners of War’ as of December 26, 1942]. F. 10, op. 1, d. 194, l. 106. Arkhiv UMVD Rossii po VO. According to the recollections of former prisoners of war of Cherepovets Camp no. 158, the daily ration included fish or cabbage soup with nettles or potatoes, a ladle of millet porridge, underbaked bread, a lump of sugar, and 10 g of yeast. See R. Dehnel, “Deutsche Kriegsgefangene im Gebiet Wologda 1942–1949,” Internationale Gesellschaft Russki Plen, accessed March 10, 2024, https://russki-plen.ucoz.ru/load/neue_bucher_und_publicationen/regine_dehnel_deutsche_kriegsgefangene_im_gebiet_wologda_1942_1949_teil_2/4-1-0-28#5

²⁷ About 500 of 7875 prisoners of war died in Camp no. 158 in January and the first half of February 1945. The main cause of death among prisoners was dystrophy. See Zagorul'ko, Sidorov, and Tsarevskaya, *Prisoners of War in the USSR*, 467.

²⁸ “From the recollections of M.D. Volkoedova, a Former Female Employee of the NKVD–MVD Camp no. 437” [in Russian], in A.L. Kuz'minykh, S.I. Starostin, and A.B. Sychev, “Now I Have Come to the Ends of the Earth...”, vol. 1, *From the History of Institutions for Holding Foreign Prisoners of War and Internees in Vologda Oblast (1939–1949): Essays and Documents* (Vologda: [n. p.], 2009), 471–72.

ordered to cook soup with bone broth three times a week and give out 80 g of yeast per person daily. In addition, sauerkraut was added to the diet twice a week.²⁹

In the summer of 1944, a campaign was carried out in the camp to collect wild plants: nettles, sorrel, mushrooms, berries, etc. Fresh herbs were included in the daily diet of prisoners of war, and appropriately processed ones formed part of the winter food supply.

Table 1

Collection of wild plants by prisoners of war of Camp no. 158 in 1947³⁰

Name	Plan (kilos)	Actually stored	Percentage of completion
Wild-growing plants (nettles, sorrel, etc.)	15,000	48,520	323.4
Mushrooms	3,000	1620	54.0
Berries	400	3133	783.2
Total	18,400	53,273	289.5

The data in Table 1 show that the plan for harvesting wild-growing plants in 1947 was exceeded. The bulk of wild-growing plants were used not for the planned supply, i.e. for replacing the main foods in the diet, but to improve the nutrition of the prisoners, i.e., to supplement the diet. It should be noted that the vegetable component in the diet of the local population also increased markedly during the war years. The shortage of bread and meat was compensated by orach, turnips, clover, and various surrogate food additives.³¹

It happened that during the collection of herbs, berries, and mushrooms, unawareness of the peculiarities of the local flora led to poisoning among prisoners of war, sometimes with a fatal outcome. The GUPVI even had to issue a special instruction to clearly regulate the types and procedure for processing wild-growing

²⁹ “Prikaz № 57 po Upravleniyu lagerya NKVD № 158 ot 11 noyabrya 1942 g.” [Order no. 57 to the Administration of the NKVD Camp no. 158 dated November 11, 1942]. F. 10, op. 1, d. 194, ll 68–69. Arkhiv UMVD Rossii po VO; “Perepiska lagerya № 158 s NKVD SSSR za 1942 g.” [Correspondence of Camp no. 158 with the NKVD of the USSR for 1942]. F. 10, op. 1, d. 195, l. 50. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

³⁰ “Akt revizii khozyaistvennoi deyatel'nosti lagerya MVD № 158 ot 25 noyabrya 1947 g.” [Audit report on the economic activities of the MVD Camp no. 158 dated November 25, 1947]. F. 10, op. 1, d. 13, l. 224. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

³¹ “‘We Live but Do Not Rejoice...’ (About Famine in the European North during the Great Patriotic War)” [in Russian], introductory article and commentary by V.G. Nechepa, in *The Russian Past: Historical and Cultural Almanac*, bk. 7, ed. A.V. Tereshchuk (St Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1996), 349–57.

plants and to require the employees to conduct appropriate explanatory work among prisoners of war.³²

To illustrate the provision of Camp no. 158 with food, we present the data as of November 1, 1947:

Table 2

Provision of food for Cherepovets Camp no. 158 as of November 1, 1947³³

Product Name	Product availability (by day) in Camp no. 158	including in camp departments:		
		Subcamp no. 1 (Cherepovets) (by day)	Subcamp no. 2 (Chagoda) (by day)	Subcamp no. 3 (Vologda) (by day)
Various wholemeal flour	119	38	213	40
Graded flour	39	4	85	132
Various cereals	183	86	243	123
Pasta	1	–	6	1
Meat products	50	50	54	36
Fish products	52	–	214	–
Fats	57	31	48	50
Sugar	151	67	259	118
Salt	539	75	205	504
Potatoes and vegetables	463	503	279	273
Soy flour	152	113	265	93
Oats	58	143	23	114

Thus, the camp and its subcamps had a sufficient supply of staple foods, which made it possible to prevent interruptions in the supply for prisoners of war. Let us just point out that the data reflect the situation when the warehouses and storage spaces of the subcamps were maximally full, as the inspection was conducted at the time when preparation of the camp for winter had been completed. The situation was unlikely to look so promising at the beginning of spring.

One of the ways to solve the food problem was to organize a subsidiary farm. By the decision of the Cherepovets district executive committee of December 3, 1945, Camp no. 158 was allotted 100 hectares from the lands of the State Land Reserve and

³² “Ukazanie UPVI NKVD SSSR № 280/4/14018 o profilaktike otravlenii voennoplennykh yadovitymi gribami ot 3 iyulya 1944 g.” [Instruction of the UPVI NKVD of the USSR no. 280/4/14018 on the prevention of poisoning of prisoners of war with poisonous mushrooms as of July 3, 1944]. F. 6, op. 1, d. 475, ll. 250 ob. – 252. Arkhiv UMVD Rossii po VO; “Ukazanie GUPVI MVD SSSR № 8/4/2140 o profilaktike otravlenii voennoplennykh ot 4 iyulya 1947 g.” [Instruction of the GUPVI of the MVD of the USSR no. 8/4/2140 on the prevention of poisoning of prisoners of war as of July 4, 1947]. F. 6, op. 1, d. 475, ll. 128–35. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

³³ “Akt revizii khozyaistvennoi deyatelnosti lagerya MVD № 158 ot 25 noyabrya 1947 g.” [Audit report on the economic activities of the MVD Camp no. 158 dated November 25, 1947]. F. 10, op. 1, d. 13, l. 223 ob. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

84 hectares from the collective farm “Svobodnaya zhizn” for temporary use.³⁴ It is characteristic that the lands that collective farms allocated to the camps were far from the best. So, the camp was given a plot of land along the Sheksna river in the flooding zone.³⁵

In the post-war years, the subsidiary farm of Camp no. 158 included the plots “Abakanovo,” “Erga,” and “Shelomovo.” In Abakanovo, prisoners of war grew vegetables. Only healthy prisoners were taken there to work. About 100 people who were accommodated in the building of the local school worked there during the summer. According to the memoirs of old-timers, prisoners of war were used in agricultural work in the villages of Klimovo (in the stables) and Kharlamovskaya (sorting cabbages in the vegetable shed) of Cherepovets district. In rural areas, prisoners of war had the opportunity to move freely and communicate with the local population.³⁶

Captured cattle, for which it was not immediately possible to find room, arrived at the camp in December 1945. In 1947, the camp’s subsidiary farm had three tractors (two Soviet and one foreign), and prisoners of war worked as tractor drivers.³⁷ Vegetable sheds with a planned capacity of 150 tons for every thousand people of the prisoners were built to store the harvest.³⁸ Sometimes they were empty due to the fact that untimely harvesting led to the loss of almost all harvested agricultural products. For example, when unloading the barge, which delivered ten tons of carrots in October 1947, it turned out that the carrots were almost 100% rotten.³⁹

Thanks to the ongoing activities, the caloric content of the daily diet of prisoners of war slightly increased. While in 1942–44 it averaged 2,150–2,200 calories, in

³⁴ Kuz'minykh, Starostin, and Sychev, “*Now I Have Come to the Ends of the Earth...*”, vol. 1, 326.

³⁵ “Dokladnaya zapiska o khode podgotovki podsobnogo khozyaistva lagerya № 158 k vesennemu sevu po sostoyaniyu na 25 fevralya 1947 g.” [Report on the progress of preparing the subsidiary farm of Camp no. 158 for spring sowing as of February 25, 1947]. F. 10, op. 1, d. 21, l. 60. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

³⁶ Emel'yanov, “Cherepovets NKVD Camp No. 158,” accessed February 5, 2024, <https://www.booksite.ru/fulltext/9vo/isk/7.htm>

³⁷ “Prikazy nachal'nika Upravleniya lagerya № 158 po podsobnomu khozyaistvu za 1945–1947 gg.” [Orders of the Head of the Administration of Camp no. 158 on subsidiary farming for 1945–1947]. F. 10, op. 1, d. 186, ll. 6, 14. Arkhiv UMVD po VO.

³⁸ *Russian Archive. The Great Patriotic War* [in Russian], vol. 24 (13–1), *Foreign Prisoners of the Second World War in the USSR: Regulatory Documents*, comp. V.N. Vartanov et al., 228–29 (Moscow: TERRA, 1996).

³⁹ “Akt revizii khozyaistvennoi deyatelnosti lagerya MVD № 158 ot 25 noyabrya 1947 g.” [Audit report on the economic activities of the MVD Camp no. 158 dated November 25, 1947]. F. 10, op. 1, d. 13, l. 286. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

1947–48 it averaged 2,600–2,800 calories.⁴⁰ In most of the subcamps, canteens were equipped for the prisoners of war to eat.⁴¹ All this had a beneficial effect on their physical condition.

The provision of prisoners of war with clothes and footwear was mainly carried out at the expense of trophy and used domestic property which came from the district military warehouse no. 32 (Vologda) and needed mending. Decommissioned overcoats, raincoat tents, duffel bags, canvas, cotton calico were used as repair material. From all this heterogeneous material, tailors from among the prisoners of war sewed underpants, shirts, trousers, padded jackets, footcloths, mittens, and work boots. In 1947 alone, the workshops of Camp no. 158 produced 10,073 pairs of footcloths, 3,537 pairs of mittens, 452 T-shirts, and 406 pairs of underpants from rags and old clothes.⁴²

In addition, clothes came from economic agencies. For instance, in 1947, the camp received from the Chagoda glass factory 50 undershirts, 50 pairs of underpants, 15 cotton padded jackets and 15 pairs of trousers, 1,832 pairs of mittens, 186 pairs of leather shoes, 979 pairs of surrogate shoes, 10 blankets, 17 mattress pillowcases, 30 sheets. The following bedding was also allocated to the camp for temporary use: 200 mattress cases, 150 pillowcases, 150 blankets, and 250 sheets.⁴³

In audit report concerning the economic activities of the camp dated November 25, 1947, it was noted that the quality of the uniforms and bedding used by prisoners of war as well as those stored in the camp warehouse was satisfactory. Washing of prisoners of war in the bathhouse was carried out at least three times a month according to the schedule developed by the sanitary department of the camp; dirty linen was obligatorily changed and the outerwear was disinfected. The capacity of the bathhouse was 800 people per day. Haircuts and shaving of prisoners of war were done by specially designated hairdressers (4 people) from among the prisoners of war. Shaving appliances were available in sufficient quantity, but there were not enough hair clippers. The washing of linen and bedding was done by prisoners of war in a special room with the necessary equipment. The camp and its subcamps were provided with soap and washing soda in sufficient amount.⁴⁴

⁴⁰ The diet of ordinary prisoners of war is meant here; officers and hospital patients received increased rations.

⁴¹ “Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)” [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, ll. 69–70. RGVA.

⁴² “Akt dokumental'noi revizii khozyaistvennoi deyatel'nosti lagerya MVD № 158 ot 25 noyabrya 1947 g.” [Audit report on the economic activities of the MVD Camp no. 158 dated November 25, 1947]. F. 10, op. 1, d. 13, l. 242 ob. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

⁴³ Ibid., ll. 242 ob. – 246.

⁴⁴ Ibid.

Medical and sanitary care for prisoners of war

The policy of the Soviet state aimed at preserving life and health of prisoners of war predetermined special attention to the issue of their medical care. In July 1942, a medical service consisting of three medical workers with incomplete secondary medical education was formed in the Cherepovets distribution camp.⁴⁵ The main tasks of the medical service were sanitation of the incoming prisoners of war and their diagnostic examination and treatment.

Those arriving at the camp were to be isolated in quarantine barracks for three weeks. During the quarantine period, a medical and sanitary history sheet was issued for each prisoner of war. It contained information about the results of medical examinations, marks on vaccinations, information about hospitalization or outpatient treatment.⁴⁶ The document was certified by the signature of the doctor of the camp's sanitary department.

Prisoners of war entered the camp in extremely poor physical condition. In the first group of prisoners of war (131 people), who arrived at the Distribution Camp no. 158 in July 1942, 75 people were suffering from dystrophy. Former soldiers of Hitler's army looked like tramps rather than soldiers: unwashed, ragged, lice-infested – they immediately got into hospital beds.⁴⁷

On November 11, 1942, the head of the Cherepovets Distribution Camp Administration signed Order no. 57, which ordered to start construction of reserve quarantine barracks and infirmaries, to strengthen medical and sanitary control over the labor use and nutrition of the prisoners, and to organize convalescing teams for weakened and sick.⁴⁸

In the final period of the Great Patriotic War, the admission of prisoners of war to the camp increased dramatically, while their health remained extremely unsatisfactory. On October 1, 1944, a group of 100 people arrived in Cherepovets from Camp no. 150 (Gryazovets, Vologda Jblast). Of them, 14 people were assigned to the first group of working capacity; 31 to the second; 46 to the third; 8 to the fourth; one person died en route. The documents revealed that 18 people from the infirmary were included in the group, although the transportation of sick prisoners of war was prohibited by the NKVD directives. After the inspection by the staff of the camp's sanitary service, 50 people were enrolled in the convalescing team.

⁴⁵ “Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)” [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 61. RGVA.

⁴⁶ Zagorul'ko, Sidorov, and Tsarevskaya, *Prisoners of War in the USSR*, 548–60.

⁴⁷ “Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)” [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 61. RGVA.

⁴⁸ “Prikaz № 57 po Upravleniyu lagerya NKVD № 158 ot 11 noyabrya 1942 g.” [Order no. 57 to the Administration of the NKVD Camp no. 158 as of November 11, 1942]. F. 10, op. 1, d. 194, ll. 68–69. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

On October 8, 1944, a group of 2,505 prisoners of war arrived at the camp from the assembly and transfer station no. 2 (Roman, Romania). Among the new arrivals there were 1,221 Romanians, 652 Moldovans, 616 Germans, 9 Czechs, 3 Austrians, 3 Poles, and 1 Italian. During the medical examination, it was revealed that 100% of prisoners were infested with lice. 54 people who were on the verge of death due to severe exhaustion were hospitalized in critical condition. Many of the prisoners lacked outerwear and shoes: 70% did not have overcoats, 40% were barefoot, 10% arrived in underpants and blankets draped over their shoulders.

On December 14, 1944, 2,541 prisoners of war were brought from Camp no. 176 (Focsany, Romania), including 1,965 Hungarians and 576 Germans. A significant part of the prisoners did not have shoes, trousers and underpants, their legs were wrapped in footcloths. During disembarkation 60 corpses were found in the wagons, and 121 people were taken outside in a life-threatening or unconscious state. During the audit of the documents, it turned out that 3,000 prisoners of war were taken to Camp no. 176 by Lieutenant Kovalev, head of the escort of the 228th escort regiment, but in fact 2,541 people entered the camp.

On May 9, 1945, a group of 1,499 prisoners of war from Camp no. 45 (Deutsch-Eylau, Germany) arrived at the camp. Physical condition of the prisoners was as follows: 1st group, 749 people; 2nd group, 393 people; 3rd group, 216 people; 4th group, 141 people. Two people were in a hopeless condition, one died in the first day. One prisoner of war died en route and his body was given to the camp for burial.

On June 9, 1945, the group of 2,500 persons arrived from the same departure point. Among them were 2,057 Germans, 175 Poles, 126 Austrians, 46 French, 41 Czechs, 24 Hungarians, 17 Yugoslavs, 5 Dutch, 5 Romanians, 2 Lithuanians, 1 Luxembourger, 1 Swiss. One prisoner of war died en route, 494 people were assigned to the 2nd group; 915, to the 3rd; 1,079, to the 4th; 11 more people were listed as seriously ill. Half of the prisoners were lice-infested. According to the medical examination records, the prisoners were weakened and unsuitable for physical work.

Almost all groups of the prisoners of war who entered the camp were in a similar condition, but thanks to the ongoing medical and sanitary measures, their condition markedly improved.

In general, Physical condition of the prisoners of war of Camp no. 158 looked as follows (see Table 3):

Table 3

Physical condition of prisoners of war of Cherepovets Camp no. 158⁴⁹ (average by year)

Year	Groups of working capacity					
	1 st group	2 nd group	3 rd group	With disabilities	WT	Infirmary patients
1942	50	17	8	15	–	–
1943	483	231	89	11	–	–
1944	1697	979	447	114	–	–
1945	1600	3227	2327	1356	–	39
1946	2272	2730	1538	307	181	188
1947	1017	1053	1393	–	472	171
1948	835	921	1387	–	130	117

Judging by the data given in Table 3, throughout the entire period of the camp's existence, a significant part of the prisoners were weakened and required long-term treatment and recovery.

Physical condition of the prisoners of war directly depended on the sanitary conditions in the camp. In the post-war period, solid bunks made of poles in the camp barracks were replaced by wagon-type bunks. Sanitation began to be carried out at least once every ten days with a mandatory change of linen. By the end of 1947, bedbugs were completely destroyed in most camp departments, and closed-type latrines were built. Lawns were laid out in the territory of subcamp no. 1, landscaping was made, during which 4,300 trees and shrubs were planted. Thanks to these events, the camp acquired a more “cultural” image, which had a favorable effect on the morale of prisoners of war.

A 200-bed infirmary was deployed at the camp Administration, and medical units with isolation wards were opened in the subcamps. Due to the lack of medical staff, the main medical work was carried out by paramedics and nurses. Doctors and pharmacists from among the prisoners of war were involved as auxiliary medical personnel. Due to the absence of a number of specialist doctors, the camp systematically sought medical care from local health facilities. Invited specialist doctors conducted 247 consultations; among them there were 11 professors of medicine, 140 tuberculosis specialist; 25 oculists; 71 otolaryngologists. In addition, 1,020 X-rays, 240 radiographs, 760 laboratory tests, and 39 operations were performed on the basis of other medical institutions.⁵⁰

Medical work in outpatient clinics of the subcamps took place daily in the morning and evening except for weekends. In each subcamp, therapeutic, surgical and dental (if there were dentists) offices received patients. In general, 497,659 people received

⁴⁹ “Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)” [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 67. RGVA.

⁵⁰ “Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)” [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 63. RGVA.

outpatient care in the camp from 1942 to 1948 (many prisoners of war were treated repeatedly), of which 178,313 people received primary care. The seriously ill were sent to the camp Administration infirmary, infectious patients were isolated from therapeutic and surgical patients.

Medical workers who were negligent in the treatment of prisoners of war were subject to dismissal. The official description of the doctor of Camp no. 158, Senior Lieutenant of Medical Service G., said:

He does not pay attention to sanitary and preventive work and medical measures. As a result of negligent attitude to work in the 6th subcamp, he allowed high morbidity and mortality of prisoners of war; due to the same negligence, he allowed the death of prisoners of war in the infirmary of the camp Administration, without timely examining the patients to provide qualified medical care.⁵¹

As a result, the mentioned doctor was dismissed from the Ministry of Internal Affairs following the results of the inspection.

In the fall of 1944, hospitals no. 1825 and 5091 located in Cherepovets were assigned to Camp no. 158 for medical care of prisoners of war. They received the status of special medical institutions and were under dual subordination, to the People's Commissariat of Health of the USSR and to the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR.⁵² Patients with treatment periods of more than a month, infectious patients, and persons requiring special treatment were transferred to special hospitals. In total, during the existence of the camp, 72,158 patients were sent to special hospitals, including 1,109 people in 1942; 8,944 in 1943; 14,817 in 1944; 19,257 in 1945; 13,768 in 1946; 11,696 in 1947; 2,567 in 1948.⁵³

According to the observations of the camp doctors, the greatest threat to the health of prisoners of war was posed by such diseases as typhus and typhoid fever, dystrophy, and dysentery. The peak incidence of typhus occurred in 1945, when 304 cases were identified.⁵⁴ Thanks to the measures taken, the epidemic was quickly dealt with. Dystrophy was much more difficult to treat. 93 prisoners of war were

⁵¹ "Spiski meditsinskikh kadrov lagerya № 158 za 1947 g." [Lists of medical personnel of Camp no. 158 in 1947]. F. 10, op. 1, d. 152, l. 15. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

⁵² Until October 1944, seriously ill prisoners of war were treated in Cherepovets evacuation hospitals for the Soviet soldiers. For example, in May 1944, Camp no. 158 sent 76 prisoners to Evacuation Hospital no. 1599. See "Delo s otchetami i spetsdoneseniyami lagerei voennoplennykh po Vologodskoi oblasti za 1944 g." [File with reports and special reports of prisoner-of-war camps in Vologda Oblast for 1944]. F. 10, op. 1, d. 220, l. 44 ob. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

⁵³ "Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)" [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 64. RGVA.

⁵⁴ *Ibid.*, l. 65.

diagnosed with it in 1942; 259 in 1943; 1,294 in 1944; 6,972 in 1945; 1,711 in 1946; 1,566 in 1947; 24 in 1948.

A particularly severe clinical picture of dystrophy was observed in the prisoners of war who were transferred to the camp in 1942 from the Leningrad NKVD prison no. 11. For a long time, they had received reduced rations (the so-called Leningrad norm). On examining the patients, Professor Belin'kii, military doctor of the 1st rank who was invited for consultation, confirmed the typical picture of nutritional dystrophy⁵⁵ combined with pellagra,⁵⁶ noting that the camp nutrition norm was insufficient in terms of calories for people engaged in physical work, especially in winter, and gave a number of recommendations for the diagnosis and therapy of the disease.⁵⁷

The health status of prisoners of war directly affected the profitability of the camp. Due to the illness of prisoners of war, the camp lost a total of 590,386 man-days in 1942–48, which resulted in a shortfall of at least 4.8 million roubles for the state.⁵⁸ The Ministry of Internal Affairs of the USSR demanded that medical workers conduct systematic work to improve the physical condition of prisoners of war, emphasizing that that measure had “great state and political significance.”⁵⁹

⁵⁵ Nutritional dystrophy (edematous disease) is a deep metabolic disorder, with emaciation, weakness, edema, etc., caused by protein starvation combined with other adverse effects (cold, physical and mental stress, etc.)

⁵⁶ Pellagra (from Italian *pelle agra* – rough skin) is a disease caused by a lack of nicotinic acid and other B vitamins in the body; it is manifested by damage to the skin and mucous membranes, diarrhea, and neuro-psychic disorders.

⁵⁷ “Dokladnaya zapiska nachal'nika lagerya № 158 kapitana gosbezopasnosti V.S. Koroleva i nachal'nika sanitarnogo otdeleniya voenvracha 2-go ranga P.P. Solyusa na imya nachal'nika UPVI NKVD SSSR maiora gosbezopasnosti P.K. Soprunenko ‘O bor'be s yavleniyami distrofii i pellagry sredi kontingenta voennoplennykh’ ot 21 noyabrya 1942 g.” [Memorandum from the head of Camp no. 158, Captain of State Security V.S. Korolev, and the head of the sanitary department, Military Doctor of the 2nd Rank P.P. Solyus, addressed to the head of the UPVI NKVD of the USSR, Major of State Security P.K. Soprunenko ‘On the Fight against the Phenomena of Dystrophy and Pellagra among the Contingent of Prisoners of War’ as of November 21, 1942]. F. 10, op. 1, d. 195, l. 36–36 ob. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

⁵⁸ “Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)” [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 66. RGVA.

⁵⁹ Ibid., ll. 66–67. *Sbornik prikazov i direktiv MVD SSSR i rasporyazhenii GUPVI MVD SSSR po voprosam mediko-sanitarnogo obsluzhivaniya voennoplennykh* [Collection of orders and directives of the MVD of the USSR and orders of the GUPVI of the MVD of the USSR on the issues of medical and sanitary care for prisoners of war] (Moscow, 1946) was published for the employees of the sanitary departments of the camps, The documents included in the collection were grouped into nine sections and covered such issues as medical and sanitary measures in the camps, sanitary and food supervision, measures to combat nutritional dystrophy and vitamin deficiencies, medical control over labor use, medical supply issues, etc. See “Sbornik prikazov i direktiv MVD SSSR i rasporyazhenii GUPVI MVD SSSR po voprosam mediko-sanitarnogo obsluzhivaniya

In accordance with the instructions of the People's Commissar of Internal Affairs of the USSR S. Kruglov, subcamp no. 1 of Camp no. 158 was reorganized into a health center in February 1946. In this regard, construction and repair work was carried out on reequipping residential and office premises, landscaping of the camp territory, and construction of communal buildings in order to bring the subcamp to an exemplary condition.⁶⁰

In 1947, a recreation room was opened in the camp. It received 2,650 prisoners of war from among the best production workers. Systematic implementation of preventive and health measures made it possible to achieve a significant reduction in morbidity. In 1947, no cases of infectious disease were recorded in the camp, colds decreased by 40–45%, frostbite was completely eliminated, and occupational injuries were minimized.⁶¹

Prisoners of war of the convalescing team of Camp no. 158 at rest

Source: F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 67. RGVA

voennoplennykh” [Collection of orders and directives of the MVD of the USSR and orders of the GUPVI of the MVD of the USSR on the issues of medical and sanitary care for prisoners of war]. F. 6, op. 1, d. 475, ll. 168–372. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

⁶⁰ “Direktiva nachal'nika GUPVI NKVD SSSR M.S. Krivenko № 8/6/161 na imya nachal'nika UNKVD Vologodskoi oblasti N.I. Slyakotkina o pereformirovanii lagotdeleniya № 1 lagerya № 158 i lagerya № 437 v ozdorovitel'nye ot 8 fevralya 1946 g.” [Directive of head of the GUPVI NKVD of the USSR M.S. Krivenko no. 8/6/161 addressed to head of the Vologda Oblast NKVD N.I. Slyakotkin on the reorganization of subcamp no. 1 of Camp no. 158 and Camp no. 437 into recreational camps as of February 8, 1946]. F. 10, op. 1, d. 35, ll. 73–75. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

⁶¹ “Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)” [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 71. RGVA.

Therapeutic measures were combined with sanitary and educational work aimed at preventing occupational injuries, frostbite, and infectious diseases. Doctors from among the prisoners of war got acquainted with the organization of medical work in hospitals and clinics of Cherepovets. Conferences on the treatment of diseases such as pneumonia, dystrophy, and tuberculosis were held for them.

Medical supply of the camp was carried out from the warehouses of the Arkhangelsk Military District. Trophy medicines prevailed among the medicines, which facilitated the organization of the treatment process for German doctors who knew their medicines well. In 1947, the camp received a large shipment (50 million units) of Canadian penicillin. The dressing material (gauze and bandages) was of domestic production. In addition to the planned supply, the camp was provided with funds (from 25 to 30 thousand roubles for a quarter of a year) for the purchase of necessary medicines from the local pharmacy chain.⁶²

During the existence of Camp no. 158, 2,145 people (4.9% of the total contingent) died, of whom 15 died in 1942; 32 in 1943; 600 in 1944; 1,341 in 1945; 135 in 1946; 20 in 1947; 2 in 1948.⁶³ These figures refute the opinion of some German historians about the general mortality of prisoners of war in Soviet camps. On the contrary, the statistics show that despite the unfavorable conditions of wartime and post-war devastation, the camp employees managed to save the lives of the vast majority of disarmed enemy soldiers and officers.

Political work with prisoners of war

The need for antifascist re-education of enemy soldiers raised the question of organizing systematic political work among them. Initially, antifascist work with prisoners of war was carried out exclusively by the political bodies of the camp. A German language study group was organized for the camp personnel under the guidance of interpreter Dobrovolskaya. At the end of 1942, the Directorate for Prisoners of War and Internees of the NKVD of the USSR sent prisoners of war Kleiner and Virgallo who graduated from the Central Anti-Fascist School (TsASh) in Krasnogorsk to the Cherepovets distribution camp. After their arrival, the recruitment of antifascist activists from the former members of the Communist Party of Germany (KPD) and the Social Democratic Party of Germany (SED) began in the camp.

In order to improve the quality of antifascist work, 436 prisoners of war were sent to the camp, including 75 people in 1943; 130 in 1944; 178 in 1945; 42 in 1946; 11 in

⁶² “Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)” [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, ll. 72–73. RGVA.

⁶³ Calculated according to “Delo-formulyar lagerya № 158 (1949–1950 gg.)” [Record card of Camp no. 158 (1949–1950)]. F. 1/p, op. 15a, d. 146, l. 7. RGVA; “Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)” [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 65. RGVA.

1947. After finishing the TsASh, 22 people returned to the camp; of them only 7 people worked in the camp in January 1948.⁶⁴

On March 1, 1943, 20% of the prisoners of war in the camp declared their solidarity with the antifascist movement. The resolution they signed stated:

We will do everything in our power to ensure that our people find the path to peace and freedom sooner. We raise our voice so that the German people will know the truth. We will prepare for the future of Germany and its peaceful construction. Only when the front and rear, and we, the prisoners of war, are united in the pursuit of peace and freedom will our struggle be crowned with success.⁶⁵

K. Bürger, a member of the Central Committee of the KPD, a senior instructor in antifascist work, who was sent to the camp from Moscow, played a major role in organizing political work among Germans. In 1948, he was withdrawn and sent to work in Germany. The work with the Finnish prisoners was supervised by instructor A. Lesonen, and the work with the Spanish prisoners was supervised by instructor S. Jose.⁶⁶

In June 1943, 67 group talks, 10 political information sessions, 6 meetings and rallies, 6 meetings of antifascist activists, 4 classes in the political circle, 2 evenings of amateur performances were held among German prisoners of war; 2 photo newspapers and 2 wall newspapers were prepared. At the initiative of K. Bürger, the prisoners wrote 10 appeals to soldiers and officers of the German army and 24 articles in the newspaper *Das freie Wort*. For comparison, 4 talks and lectures, 3 production meetings, and 2 evenings of amateur performances were held during the same period among the captured Spaniards.⁶⁷

In June 1943, two delegates, prisoners of war Ross and Hoffman, were sent to Krasnogorsk to participate in the establishment of the National Committee for a Free Germany (Nationalkomitee Freies Deutschland) (NKFD). After returning to the camp, they launched propaganda for the NKFD platform. The popularity of the goals

⁶⁴ “Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)” [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 44. RGVA.

⁶⁵ Ibid., l. 45.

⁶⁶ “Trebovatel'nye vedomosti na vydachu zarplaty sotrudnikam lagerya MVD № 158 za yanvar'–dekabr' 1943 g.” [Wage sheet of the employees of the MVD Camp no. 158 for January–December 1943]. F. 10, op. 1, d. 198, l. 180 ob. Arkhiv UMVD Rossii po VO; “Trebovatel'nye vedomosti na vydachu zarplaty sotrudnikam lagerya MVD № 158 za yanvar'–iyul' 1944 g.” [Wage sheet of the employees of the MVD Camp no. 158 for January–July 1944]. F. 10, op. 1, d. 199, l. 83 ob. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

⁶⁷ “Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)” [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, ll. 45–46. RGVA.

of the NKFD was evidenced by the massive growth of its supporters. For example, 107 prisoners attributed themselves to the adherents of the NKFD in July 1943; 293 in September; 623 in November; 1,126 in December. In the fourth quarter of 1943, the prisoners collected money in the amount of 10,4 thousand roubles. In total, 878 prisoners of war participated in this action, and contributed money at the expense of the monetary allowance they received.⁶⁸

To be fair, we should note that not all prisoners of war supported the antifascists. Describing the moods of the residents of the camp barracks, L. Steidle, a former Wehrmacht Colonel noted:

No one wanted to openly express their thoughts at rallies, firstly, because they were afraid of displeasing their comrades, and secondly, because the rule here was to be careful.⁶⁹ Most of the prisoners took a wait-and-see attitude and said, "We are out of politics. Let's leave politics for the people who deal with it."⁷⁰

Nevertheless, more and more prisoners began to be interested in political issues over time. This transformation of consciousness can be partially explained by the words of Obergefreiter Werning:

I have never been involved in politics before. Thanks to conversations with comrades and explanatory talks here, in captivity, I came to the conclusion that it is necessary to engage in politics. Issues such as peace and fate of our homeland are all political issues, and how they will be resolved depends on us.⁷¹

The democratization of the views of Hungarians, Romanians, Poles, and Austrians was faster than of the Germans. In July 1943, Austrian prisoners of war wrote a statement requesting to establish a committee in the USSR to fight for a free and independent Austria. In October 1943, 64 resolutions and appeals were prepared by prisoners of war, 29 of them by Finns, 18 by Germans, 17 by Austrians, while German prisoners of war made up 70% of the camp population.⁷²

⁶⁸ "Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)" [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 46. RGVA.

⁶⁹ L. Steidle, *From the Volga to Weimar: Memoirs of a German Colonel, a Commander in the Paulus' 6th Army* [in Russian], trans. N.M. Gnedina, and M.P. Sokolov (Moscow: Progress, 1973), 258.

⁷⁰ Cited in G.V. Ezhova, "The Great Patriotic War and the Antifascist Movement for a Free Germany: A Historical and Comparative Analysis of Russian and German Literature" [in Russian] (Doctoral diss., North-West Academy of Public Administration, 1998), 238.

⁷¹ "Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)" [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 46. RGVA.

⁷² *Ibid.*, ll. 45–46.

At the end of 1943, many prisoners of war expressed a desire to fight against fascism with weapons in their hands. Half of the Poles signed a collective statement to send them to the T. Kosciuszko division to fight for the liberation of Poland. In addition, 216 Austrians submitted a collective statement to the camp's leadership asking them to send them to the front. Some Germans expressed a similar desire. Thus, Obergefreiter of the German army Belsemon (born in 1923) said:

It would be nice to drop antifascist prisoners of war from airplanes to the rear of the Germans. They would start something like a partisan movement and would have the opportunity to support the Red Army.⁷³

By 1944, the number of anti-fascists in the camp had reached 1,500 people, including 130 activists, which facilitated antifascist work. The circle of participants in the antifascist movement had significantly expanded. The opponents of Hitlerism from among the priests were actively involved in popularizing the NKFD platform. For instance, in July 1944, Obergetreiter Herbert Genersdorfer and Private Karl Becker, the NKFD commissioners, arrived at Camp no. 158 from Krasnogorsk to hold religious service. The latter was left as the permanent priest of the camp and settled in the officers' barracks. The political department of the camp was instructed to do everything possible to assist in organizing religious services for prisoners of war.⁷⁴

With great interest, the prisoners of war received a delegation of the Union of German Officers led by Lieutenant General Daniels, Colonel Cimatis, and Captain Domasko, who arrived at the camp on April 2, 1944.

The dynamics of the growth of the number of antifascists in Camp no. 158 in 1944 is shown in Table 4:⁷⁵

Table 4

The number of anti-fascists in camp No. 158 in 1944

Nationality	January 1944	% of the total number of prisoners	October 1944	% of the total number of prisoners
Germans	1191	84	2053	97
Austrians	73	84	281	99
Spaniards	17	7	180	90
Finns	261	43	425	97

⁷³ "Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)" [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, ll. 45–46. RGVA.

⁷⁴ Kuz'minykh, Starostin, and Sychev. "Now I Have Come to the Ends of the Earth...", vol. 1, 346.

⁷⁵ "Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)" [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 49. RGVA.

The growing number of antifascists, whose number had reached almost 3 thousand people in Camp no. 158 by the end of 1944, made it possible to use ideological levers to increase labor productivity. On March 16, 1943, the first employment contract was signed at a meeting of prisoners of war. It was signed by all eight brigades organized at that time in the camp. The labor competition was held under the slogan “For Peace and Friendship with the Great Soviet People.” The prisoners of war set a goal to comply with standards of at least 100% and to maintain production discipline.⁷⁶

In 1944, a club was built in subcamp no. 1, in honor of which a grand meeting was held. In the presidium, there were representatives from each nation, who received the right to make a speech. Later, the club became the center of cultural work in the camp.⁷⁷

Due to the appearance of the club, the forms of political work with the prisoners significantly expanded, as shown in Table 5:⁷⁸

Table 5

Forms of antifascist work with prisoners of war in Camp no. 158 in 1944

Forms of antifascist work	With Germans	With Finns	With Spaniards	With prisoners of other nationalities
Meetings and rallies	245	87	68	31
Reports and lectures	186	117	109	65
Conferences	30	25	34	2
Political conversations	7 053	484	857	101
Classes in political circles	73	50	73	30

In addition to meetings, rallies, and conferences, the preparation of collective appeals, proclamations, and leaflets addressed to the soldiers of the Wehrmacht who fought on the Soviet-German front constituted another form of political work with prisoners of war. In 1944, prisoners of war of Camp no. 158 prepared 113 appeals with 13,100 signatures; 90 appeals with 9,386 signatures; 323 leaflets with 5,494 signatures. In addition, 7 collective addresses were submitted to join volunteer antifascist formations. They were signed by 743 Germans and 446 prisoners of other nationalities. There were also 1,070 individual appeals with a similar request from 699 Germans, 118 Finns, 92 Spaniards, and 89 Austrians.⁷⁹

On August 10, 1944, a meeting was held in the camp. It was attended by 28 captive officers of the German army for the first time. It began with an introductory speech by head of the camp Captain I. Timoshenko about the barbarism and inhumanity of

⁷⁶ “Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)” [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 47.

⁷⁷ Emel'yanov, “Cherepovets NKVD Camp No. 158,” <https://www.booksite.ru/fulltext/9vo/isk/7.htm>

⁷⁸ “Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)” [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 48. RGVA.

⁷⁹ Ibid., ll. 48–49.

the Nazi invaders in Soviet land. Further, public testimonies of German soldiers and officers were heard concerning the facts of violence, brutalities, and atrocities against peaceful Soviet citizens, accompanied by the display of the photographs that had been found on the prisoners of war.⁸⁰

From that time, the Germans became more actively involved in exposing the participants in the brutalities and atrocities committed by the German army. At a meeting of prisoners of war on September 17, 1944, when discussing the atrocities of the Nazis in Lublin, 12 people spoke. They named the participants in the atrocities who were in the camp, and prisoners of war Schabe, Schott, Nock, and Merlens confessed in crimes committed in the territory of the USSR. After that, the camp administration received 113 more statements reporting specific facts of the atrocities and indicating their organizers and participants. In total, 1,119 such statements were sent by prisoners of war in 1944–45.⁸¹

In November 1944, the antifascist officers adopted an appeal to the camp administration to remove the insignia, distinctions, and honors established in the Nazi army. The antifascists were the first to do it, followed by many German officers.

The main tasks of political work in early 1945 were as follows: to study the sentiments of the arriving prisoners of war and their attitude to the war; to demonstrate the criminal nature of the war on the part of Germany and the liberating nature of the war on the part of the USSR; to expose Nazi ideology and promote the Leninist-Stalinist policy of equality of races and nations; to explain to prisoners of war their responsibility for the damage inflicted on the Soviet Union; the formation of a conscientious attitude to work; instilling democratic beliefs; organization of antifascist movement in the camp.

Due to the successful offensive of the Soviet troops and their approach to the borders of Germany, the work of writing appeals to the German population increased among prisoners of war. In January 1945, prisoners of war of Camp no. 158 prepared 20 appeals addressed to the residents of Saxony, Bavaria, Berlin, Cologne, Mecklenburg and a statement condemning the murder of Soviet parliamentarians in Budapest.⁸² One of the appeals said:

⁸⁰ “Transcript of the Meeting of POW Officers of Camp no. 158 as of August 10, 1944” [in Russian], in Kuz'minykh, Starostin, and Sychev. *“Now I Have Come to the Ends of the Earth...”*, vol. 1, 391–96.

⁸¹ “Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)” [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 49. RGVA.

⁸² “Obrashcheniya voennoplennykh nemetskoï armii, sodержashchikhsya v lagere NKVD № 158, k zhitelyam gorodov i oblastei Germanii o prekrashchenii voiny” [Appeals from prisoners of war of the German army held in NKVD Camp no. 158 to residents of cities and regions of Germany to end the war]. F. 10, op. 1, d. 16, l. 34. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

The workers of Berlin and Brandenburg! You have nothing to fear from the Red Army. . . It enters the country not to destroy you but to overthrow the Hitler clique.⁸³

In the spring and summer of 1945, many prisoners of war who had been taken captive in Germany arrived at the camp. Instead of being sent home after the surrender as was expected, they were sent to the Soviet Union. On the other hand, the soldiers and officers of the German army who had been in captivity for a long time realized that their hopes for an early return home were also in vain. In an interview with a journalist from the Cherepovets newspaper *Rech*, former prisoner of war Bernhard Plusvik recalled:

During my captivity, the feeling of hopelessness never left me. It seemed like I was going to spend my whole life in these damn camps. Depression did not go away for months.⁸⁴

Taking into account the moral and psychological state of the prisoners, the camp administration decided to strengthen antifascist work. 9 rallies and meetings, 147 group talks, 30 political information sessions, 34 classes in political circles, 7 evenings of questions and answers, and 15 lectures were held among prisoners of war in May 1945. In addition to that, amateur talent activities were actively developing in the camp. There were music, choir, and drama clubs in the camp, which included 180 prisoners of war. They wrote several plays, poems, and musical works.⁸⁵

The departure of the first groups of weakened and sick prisoners of war to their homeland in the summer of 1945 also had a negative impact on the sentiments of prisoners of war, including some of the antifascist activists. A tendency began to form among the prisoners to deliberately worsen their physical condition, even to inflict self-harm, in order to return to their homeland faster. For example, prisoner of war Boitelsbacher, who had previously twice attempted to escape from the camp, deliberately took off his boots and exposed his feet and hands while in the penal company of the Dedovo Pole subcamp.⁸⁶ To combat such facts, conversations were

⁸³ "Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)" [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 53. RGVA.

⁸⁴ "From the memoirs of former prisoner of war Bernhard Pluskwik" [in Russian], Kuz'minykh, Starostin, and Sychev. *Now I Have Come to the Ends of the Earth...*, vol. 1, 464.

⁸⁵ "Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)" [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 53. RGVA.

⁸⁶ "Dokladnaya zapiska operativnogo otdela lagerya № 158 na imya nachal'nika OPVI UMVD Vologodskoi oblasti podpolkovnika S.G. Borisova o faktakh vreditel'stva i sabotazha sredi voennoplennykh na proizvodstve ot 6 aprelya 1946 goda" [Memorandum of the operational department of Camp no. 158 addressed to Lieutenant Colonel S.G. Borisov, the head of the OPVI

held about the dangers of self-harm and the need for careful attitude to health. The political bodies established control over the prisoners' food intake and exposed malingerers and saboteurs.

In 1945, the department for antifascist work was subordinated to the operational Chekist department of the camp, which made it possible to coordinate political and operative work, and also increased the efficiency of measures taken to identify war criminals. In 1945, 23 participants in the atrocities were exposed in the camp. The study of prisoners of war in close contact with intelligence officers made it possible to clear the antifascist activists of the “ballast” and the “pro-fascist element.” For instance, Helmut Schending, political instructor of one of the companies, who was a Nazi propagandist in the past, was dismissed from office.⁸⁷

The materials of the meetings of prisoners and the resolutions adopted by them indicate that the political activity of prisoners of war increased significantly in 1946. In the fourth quarter of 1946, prisoners of war of Camp no. 158 wrote 21 collective appeals, 1,952 individual letters, and 32 articles to antifascist newspapers. At the same time, the prisoners sent 1,894 postcards to their relatives and friends with an appeal to support the KPD and SED in the elections in the “fight against reaction.”⁸⁸

In February 1946, a meeting of prisoners of war was held in the camp in order to support the International Military Tribunal in Nuremberg and condemn the war crimes committed by Nazi Germany. The Germans G. Mertens and W. Klein, who previously served as guards of the Auschwitz and Sachsenhausen concentration camps, spoke at the meeting. They described life in the death camps in horrific detail. In particular, they stated:

Compared to life there, we live here like in a holiday home. The fourth group (those suffering from dystrophy. – A. K.) here is fat if compared with the “fattest” prisoners of war there.⁸⁹

The resolution of the meeting, sealed with 53 signatures, read:

UMVD of Vologda Oblast, on the facts of wrecking and sabotage among prisoners of war at work dated April 6, 1946]. F. 10, op. 1, d. 37, l. 133–133 ob. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

⁸⁷ Kuz'minykh, Starostin, and Sychev. “*Now I Have Come to the Ends of the Earth...*”, vol. 1, 349.

⁸⁸ “Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)” [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 56. RGVA.

⁸⁹ “Protokol sobraniya voennoplennykh soldat i ofitserov v klube 1-go lagernogo otdeleniya lagerya № 158 ot 9 fevralya 1946 g.” [Minutes of the meeting of POW soldiers and officers in the club of the 1st subcamp of Camp no. 158 dated February 9, 1946]. F. 10, op. 1, d. 226, ll. 31–35 ob. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

We demand the strictest punishment and accountability of all those who have committed crimes against peace and humanity because only by destroying this plague the world as well as the new democratic Germany will be able to achieve real peace and quiet.⁹⁰

In October 1946, the antifascist prisoners of war of Camp no. 158 sent an appeal to the Control Council in Germany,⁹¹ in which they demanded that J. Schacht, F. Papen and G. Fritsche who had been acquitted by the International Military Tribunal were put on trial.⁹²

The main emphasis in antifascist work in 1946 was placed on developing labor competition and increasing labor productivity in order to achieve the profitability of the camp and the fulfillment of the production plan. The main task was to mobilize prisoners of war to combat violations of the camp routine and labor discipline. Special importance was attached to the organization of wall press, which reflected labor indicators and was aimed at popularizing the best workers, combating those who refused to work and malingerers.

A K-101 talking motion picture projector played an important role in the organization of cultural and mass work in the camp. It was obtained with the help of the Political Department of the GUPVI MVD of the USSR. In 1947, 105 film shows were held for prisoners of war. In addition, the Cherepovets City Drama Theatre

⁹⁰ “Protokol sobraniya voennoplennykh soldat i ofitserov v klube 1-go lagernogo otdeleniya lagerya № 158 ot 9 fevralya 1946 g.” [Minutes of the meeting of POW soldiers and officers in the club of the 1st subcamp of Camp no. 158 dated February 9, 1946]. F. 10, op. 1, d. 226, l. 36. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

⁹¹ The Allied Control Council in Germany was a joint body of the USSR, USA, Great Britain and France. It was established in 1945 to exercise supreme power in Germany during the period of its occupation. It issued laws on demonopolization, denazification, eradication of German militarism, etc. The work of the Control Council was terminated in March 1948 due to the deterioration of relations between the USSR and the Western powers.

⁹² “Delo iskhodyashchikh dokumentov po poduchetnomu elementu za 1946 g.” [File of outgoing documents on the registered contingent for 1946]. F. 10, op. 1, d. 226, l. 129. Arkhiv UMVD Rossii po VO. At late September – early October of 1946, the International Military Tribunal announced the verdict regarding the criminal activities of the Nazi regime. The Tribunal sentenced G. Goering, J. Ribbentrop, W. Keitel, E. Kaltenbrunner, A. Rosenberg, G. Frank, W. Frick, J. Streicher, F. Sauckel, A. Jodl, A. Seyss-Inquart and M. Bormann (in absentia) to death by hanging; R. Hess, W. Funk and E. Raeder, to life imprisonment; W. Schirach and A. Speer, to 20 years; K. Neurath, to 15 years; K. Doenitz, to 10 years in prison. H. Fritsche, F. Papen, and H. Schacht were acquitted. The tribunal declared the SS, SD, Gestapo, and leadership of the National Socialist Party (NDSAP) criminal organizations but did not recognize the SA, the German government, the General Staff and the Wehrmacht High Command as such. R.A. Rudenko, member of the tribunal from the USSR, gave a dissenting opinion, in which he disagreed with the acquittal of the three defendants and spoke in favor of the death penalty for R. Hess.

organized 13 performances for the contingent and camp staff. In turn, Leningrad Philharmonic held 8 concerts.⁹³

In 1947, the formation of the camp's political bodies was completed. On the basis of the directive of the Ministry of Internal Affairs of the USSR no. 112cc, regular positions of antifascist work functionaries were introduced (5 people for camp administration, 3 people for each subcamp). Political work was supervised by the deputy head of the camp's political department and the head of the antifascist work department. The head of the antifascist activists from among the prisoners of war was directly responsible for conducting political work. Three functionaries reported to him: the deputy head of the activist group for youth work, the instructor of political education circles, and the organizer of mass cultural work.⁹⁴ Antifascist functionaries had the right to unescorted movement, meals at an increased rate, and a monthly allowance of 100 roubles.⁹⁵

On the basis of the GUPVI directive of February 28, 1947, all previously enlisted prisoners of war were checked. Those who were denied confidence were removed from the lists of antifascists. From now on, only those prisoners of war who were active in political work, headed production teams, and participated in organizing labor competitions were included in the list of activists. The inclusion in the list of antifascist activists was carried out after the approval of the candidate by the head of the camp political department.

In order to prepare antifascist functionaries, a selection was held among prisoners of war to be sent to regional and all-Union antifascist courses. The regional antifascist courses under the administration of Camp no. 158 made 20 enrollments and prepared 746 antifascists.⁹⁶ Senior instructor in antifascist work M. Schumacher was the head of the courses. The results of the students at the final exams were as follows: 65% excellent; 32% good; 2% satisfactory. For the successful completion of the program by the students, senior instructor M. Schumacher was awarded a trip to the resort.⁹⁷

⁹³ "Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)" [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, l. 40. RGVA.

⁹⁴ "Prikazy po lichnomu sostavu lagerya № 437 za 1947 g." [Orders concerning the personnel of Camp no. 437 for 1947]. F. 10, op. 1, d. 324, l. 85. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

⁹⁵ Kuz'minykh, Starostin, and Sychev. "Now I Have Come to the Ends of the Earth...", vol. 1, 352.

⁹⁶ "Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)" [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, ll. 40–41. RGVA.

⁹⁷ "Prikaz UMVD po Vologodskoi oblasti № 0079 'O pooshchrenii rabotnikov lagerei MVD dlya voennoplennykh № 158 i 437' ot 30 avgusta 1947 g." [Order of the Vologda Oblast MVD Administration no. 0079 'On incentives for the personnel of the MVD camps for prisoners of war no. 158 and 437' as of August 30, 1947]. F. 7, op. 1, d. 14, sheets are not numbered. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

Coat of arms of the regional antifascist school for prisoners of war in Vologda

Source: Vologda State Historical Architectural and Art Museum Reserve

During the period of mass repatriation, political work with prisoners of war entered its final stage. The main task was to form a positive attitude towards the USSR among the prisoners of war and to convince them of the need to carry out transformations according to the Soviet model in their countries. In the second half of 1947, at the camp there were 869 group talks, 436 lectures and reports, 254 meetings, 153 gatherings of antifascist activists, 57 seminars for leaders of political circles, 29 rallies, 251 concerts, 18 performances, 65 films shows. As noted by the personnel of the political bodies of the camp, as of November 1, 1947, 98% of prisoners of war had associated themselves with the antifascist movement.⁹⁸ Thus, we can conclude that denazification and demilitarization of the consciousness of prisoners of war was successful.

Repatriation

As the end of World War II approached, the issue of returning prisoners of war to their homeland became increasingly urgent. The Hague (1907) and Geneva (1929) conventions provided for the repatriation of prisoners of war as soon as possible after the conclusion of peace. On September 19, 1944, the Armistice Agreement was signed in Moscow between the USSR and Great Britain, on the one hand, and Finland, on the other. It provided for a mutual exchange of prisoners of war. The document stated that Finland would immediately release all Soviet, British, and

⁹⁸ "Istoriya lagerya MVD № 158 (1942–1948 gg.)" [History of the MVD Camp no. 158]. F. 1/p, op. 35a, d. 26, ll. 57–58. RGVA.

American servicemen from captivity. At the same time, the USSR and the allied powers would transfer to Finland its former soldiers and officers.⁹⁹

The Armistice Agreement marked the beginning of the repatriation of Finnish prisoners of war from the USSR. On the eve of repatriation, almost all Finnish prisoners of war were concentrated in Camp no. 158. 1,805 Finnish soldiers and officers were sent from the camp to their homeland in 1944, and 124 more in 1945.

In the summer of 1945, the repatriation of prisoners of war of other nationalities began. First of all, prisoners of war who were physically unfit for work were to be sent home. A medical commission was formed in the camp to select these categories of prisoners of war. The lists of repatriates included people with disabilities, patients with tuberculosis and dystrophy, and those prisoners of war who had been held in convalescence teams for a long time.

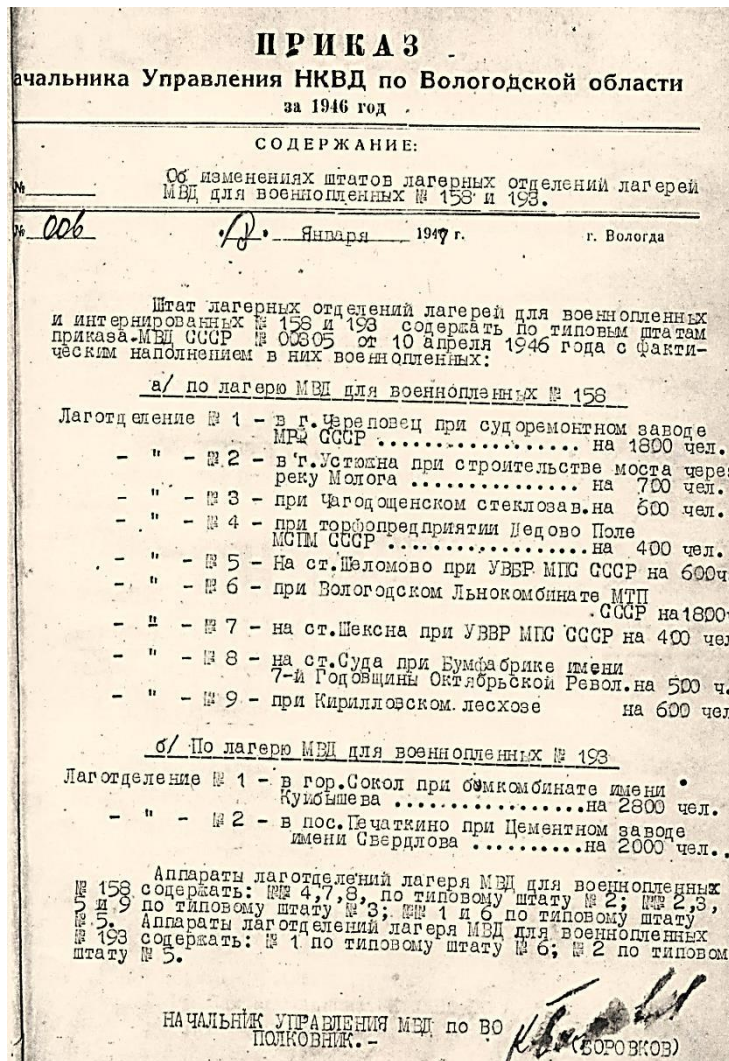
In 1945, 19,097 people were sent from Camp no. 158 to their homeland and other regions of the USSR, including 1,314 people to Frankfurt-on-Oder (Germany); 452 people to Sighet (Romania); 2,393 people to Pirno (Romania); 1,328 people to Focsani (Romania); 936 people to Ungheni (Romania); 124 people to Finland; 1,055 people to Camp no. 65; 11,495 people to other camps and special hospitals.¹⁰⁰

Before the departure, prisoners of war underwent sanitary treatment and were provided with clean underwear, repaired clothes and footwear. The wagons for transportation were equipped with bunks, kitchens, and water tanks. In addition, the camp supplied them with buckets, cauldrons, bowls, mugs, firewood, and food supply for 25 days of travel.¹⁰¹

⁹⁹ S. Maiorov, ed., *Foreign Policy of the Soviet Union during the Great Patriotic War: Documents and Materials* [in Russian], vol. 2, *January 1 – December 31, 1944* (Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1946), 217–18.

¹⁰⁰ “Delo-formulyar lagerya № 158 (1949–1950 gg.)” [Record card of Camp no. 158 (1949–1950)]. F. 1p, op. 15a, d. 146, l. 5. RGVA.

¹⁰¹ V.A. Vsevolodov, “*Go in Peace*”: *On the History of Repatriation of German Prisoners of War from the USSR (1945–1958)* [in Russian] (Moscow: Moskovskii izdatel'skii dom, 2010), 142–43.

Order of the Vologda Oblast MVD Administration no. 006 dated January 18, 1947 on changing the staff of the subcamps of prisoner-of-war camps no. 158 and 193

Source: Arkhiv UMVD Rossii po VO, f. 7, op. 1, d. 14, sheets not numbered

In June 1946, the Council of Ministers of the USSR adopted Resolution no. 1263-519ss, according to which it was planned to transport 2,870 disabled prisoners of war from Vologda Oblast; of them 1,550 were to be transported from camps and 1,320 from special hospitals.¹⁰² In September 1947, 1,500 prisoners of war were sent from the camps of Vologda Oblast to work at coal mining enterprises in Donbass, including 530 people from Camp no. 158, for which 20 wagons were allocated.¹⁰³

¹⁰² "Priказы MVD SSSR za 1947 god" Orders of the MVD of the USSR for 1947]. F. 6, op. 1, d. 474, l. 37. Arkhiv UMVD Rossii po VO.

¹⁰³ "Priказ MVD SSSR № 00968 'O peredache v ugol'nyu promyshlennost' i na stroitel'stvo toplivnykh predpriyatii 139 100 voennoplennykh za schet snyatiya ikh s rabot drugikh ministerstv' ot 15 sentyabrya 1947 g." [Order of the MVD of the USSR no. 00968 'On the Transfer of 139,100 Prisoners of War to the Coal Industry and to the Construction of Fuel Enterprises by Removing Them from Work in Other Ministries' as of September 15, 1947]. F. 6, op. 1, d. 494,

Thus, repatriation was a long and complicated process. The return of prisoners to their homeland was slowed down by the use of the able-bodied contingent in the restoration of the national economy after the end of the war. In March 1948, the last prisoners of war left the camp, after which it was disbanded.

Conclusion

The study of the detention of prisoners of war of the German army and its allies in Cherepovets Camp no. 158 clearly demonstrates that the USSR had no intention of physical extermination of prisoners of war during the Great Patriotic War, as was the case in the camps of Nazi Germany. Despite the lack of material resources in the country, prisoners of war were provided with food, clothing, and medical care. Much attention was paid to the organization of camp life and leisure activities for the prisoners of war. Along with this, active political work was conducted with former enemy servicemen on denouncing Nazi ideology, antifascist re-education, and preparation for peaceful life after returning to their homeland. Thanks to the activities conducted, most of the prisoners of war managed to survive captivity and return home.

Список литературы

Безбородова И.В. Военнопленные Второй мировой войны: генералы вермахта в плену. Москва: РГГУ, 1998. 206 с.

Бивор Э. Сталинград / перевод с английского А. Жеребилова и др. Смоленск: Русич, 1999. 448 с.

Бланк А.С. Национальный комитет «Свободная Германия» – центр антифашистской борьбы немецких патриотов. 1943–1945. Вологда: Книжное издательство, 1963. 93 с.

Бланк А.С., Левель Б. Наша цель – свободная Германия: Из истории антифашистского движения «Свободная Германия» (1943–1945 гг.). Москва: Мысль, 1969. 293 с.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы: в 3 т. / под редакцией С. Майорова. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1946. Т. 2. 1 января – 31 декабря 1944 г. 688 с.

Военнопленные в СССР. 1939–1956: документы и материалы / составители М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская. Москва: Логос, 2000. 1120 с.

Всеволодов В.А. «Срок хранения – постоянно!» Краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД СССР № 27 (1942–1950). Москва: Московский издательский дом, 2003. 272 с.

Всеволодов В.А. «Ступайте с миром»: к истории репатриации немецких военнопленных из СССР (1945–1958 гг.). Москва: Московский издательский дом, 2010. 386 с.

Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 39–46.

II. 264–70. Arkhiv UMVD Rossii po VO; Zagorul'ko, Sidorov, and Tsarevskaya, *Prisoners of War in the USSR*, 700–02.

Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). Москва: Грааль, 1997. 248 с.

Гинцберг Л.И. Борьба немецких патриотов против фашизма. 1939–1945. Москва: Наука, 1987. 334 с.

Ежова Г.В. Великая Отечественная война и антифашистское движение «Свободная Германия»: историко-сравнительный анализ российской и немецкой литературы: дис. ... д-ра ист. наук. Северо-Западная академия государственной службы, 1998. 402 с.

Емельянов Н. Череповецкий лагерь НКВД для военнопленных № 158 // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. IX / под редакцией В.А. Саблина. Вологда: Древности Севера, 2001. С. 111–113. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/9vo/isk/7.htm> (дата обращения: 05.02.2024).

«Живем – не радуемся...» (О голоде на Европейском Севере в период Великой Отечественной войны) / вводная статья и комментарии В.Г. Нечепы // Русское прошлое: Историко-культурный альманах. Кн. 7 / под редакцией А.В. Терещука. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. С. 349–357.

Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: плен и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956 / перевод с немецкого О. Асписовой. Москва: РГГУ, 2002. 303 с.

Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда: Издательство Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1996. 320 с.

Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда: Вологодский институт развития образования, 2002. 232 с.

Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939–1955). Очерки и документы. Вологда: Вологодский институт развития образования, 2002. 160 с.

Кузьминых А.Л. Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Москва: Политическая энциклопедия, 2017. 591 с.

Кузьминых А.Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы). Вологда: Древности Севера, 2016. 527 с.

Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР: историографический аспект проблемы // СССР, его союзники и противники во Второй мировой войне: политический дискурс, историографические дискуссии, проблемы преподавания: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (21–22 апреля 2010 г.) Москва: РГГУ, 2010. С. 230–237.

Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Вологда: Книжное наследие, 2005. 340 с.

Кузьминых А.Л. Лагеря для военнопленных и интернированных в Вологодской области в 1939–1949 гг. // История пенитенциарных учреждений Вологодского края / под редакцией А.Л. Кузьминых, Н.С. Оботуровой. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2023. С. 176–228.

Кузьминых А.Л. Советский военный плен и интернирование как историографическая проблема // Российская история. 2012. № 3. С. 158–174.

Кузьминых А.Л. Череповецкий лагерь для военнопленных № 158 (1942–1948 гг.): структура, состав контингента, производственная деятельность // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 4. С. 1405–1477.

Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...»: в 2 т. Вологда: [б. и.], 2009.

Погребной Н.Г. Участие немецких антифашистов в боях против гитлеровских захватчиков в годы Великой Отечественной войны // Украинский исторический журнал. 1964. № 2. С. 64–69.

Русский архив. Великая Отечественная. Т. 24 (13–1). Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР: нормативные документы / составители В.Н. Варганов и др. Москва: ТЕРРА, 1996. 560 с.

Рыбалкин Ю.Е. Испанские военнопленные Второй мировой войны в СССР // Проблемы военного плена: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции (Вологда, 23–25 октября 1997 г.): в 2 ч. / под редакцией Е.А. Поромонова и др. Вологда: Издательство Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1997. Ч. 2. С. 247–251.

Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2001. 505 с.

Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Москва: РОССПЭН, 2010. 424 с.

Шарков А.В. Архипелаг ГУПВИ: военнопленные и интернированные на территории Беларуси: 1944–1954 гг. Минск: Тесей, 2003. 163 с.

Штейдле Л. От Волги до Веймара: Мемуары немецкого полковника, командира 6-й армии Паулюса / перевод с немецкого Н.М. Гнединой, М.П. Соколова. Москва: Прогресс, 1973. 422 с.

Bährens K. Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges / Herausgegeben von E. Maschke. München–Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1965. Bd. 5 (1–3).

Blank A. Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Köln: Pahl-Rugenstein, 1979. 208 S.

Böhme K. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand: Eine Bilanz // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges / Herausgegeben von E. Maschke. München–Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1966. Bd. 7. 474 S.

Cartellieri D. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Die Lagergesellschaft. Eine Untersuchung der zwischenmenschlichen Beziehungen in den Kriegsgefangenenlagern // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges / Herausgegeben von E. Maschke. München–Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1967. Bd. 2. 381 S.

Dehnel R. Deutsche Kriegsgefangene im Gebiet Wologda 1942–1949 // Internationale Gesellschaft Russki Plen. URL: <https://kurl.ru/VPVQS> (дата обращения: 10.03.2024).

Fleischhacker H. Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Der Faktor Hunger // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges / Herausgegeben von E. Maschke. München–Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1965. Bd. 3. 560 S.

Hilger A. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung. Essen: Klartext-Verlag, 2000. 486 S.

Hoffmann Y. Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945. München: Verlag für Wehrwissenschaften, 1995. 336 S.

Ratza W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Der Faktor Arbeit // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. 4. München–Bielefeld: Giesecking, 1973. 384 S.

Robel G. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Antifa // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges / Herausgegeben von E. Maschke. München–Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1974. 487 S.

Schwarz W. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Aus dem kulturellen Leben // Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges / Herausgegeben von E. Maschke. München–Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1969. 366 S.

References

Bährens, K. *Deutsche in Straflagern und Gefängnissen der Sowjetunion*. Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges, herausgegeben von E. Maschke, Bd. 5 (1–3). München-Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1965.

Beevor, A. *Stalingrad* [Stalingrad], translated from English by A. Zherebilov et al. Smolensk: Rusich, 1999. (In Russian)

Bezborodova, I.V. *Voennoplennye Vtoroi mirovoi voiny: generaly vermakhta v plenu* [Prisoners of the Second World War: Wehrmacht generals in captivity]. Moscow: RGGU, 1998. (In Russian)

Blank, A. *Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR*. Cologne: Pahl-Rugenstein, 1979.

Blank, A.S. *Natsional'nyi komitet "Svobodnaya Germaniya" – tsentr antifashistskoi bor'by nemetskikh patriotov. 1943–1945* [National Committee for a Free Germany, the center of the anti-fascist struggle of German patriots. 1943–1945]. Vologda: Knizhnoe izdatel'stvo, 1963. (In Russian)

Blank, A.S., and B. Loewel. *Nasha tsel' – svobodnaya Germaniya: Iz istorii antifashistskogo dvizheniya "Svobodnaya Germaniya" (1943–1945 gg.)* [Our goal is a Free Germany: From the history of the antifascist movement for a Free Germany. (1943–1945)]. Moscow: Mysl', 1969. (In Russian)

Böhme, K. *Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand: Eine Bilanz*. Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges, herausgegeben von E. Maschke, Bd. 7. München-Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1966. (In German)

Cartellieri, D. *Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Die Lagergesellschaft. Eine Untersuchung der zwischenmenschlichen Beziehungen in den Kriegsgefangenenlagern*. Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges, herausgegeben von E. Maschke, Bd. 2. München-Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1967.

Dehnel, R. "Deutsche Kriegsgefangene im Gebiet Wologda 1942–1949." *Internationale Gesellschaft Russki Plen*. Accessed March 10, 2024. https://ruskiplen.ucoz.ru/load/neue_bucher_und_publicationen/regine_dehnel_deutsche_kriegsgefangene_im_gebiet_wologda_1942_1949_teil_2/4-1-0-28#5

Emel'yanov, N. "Cherepovetskii lager' NKVD dlya voennoplennykh № 158" [Cherepovets NKVD camp no. 158 for prisoners of war]. In *Izvestiya Vologodskogo obshchestva izucheniya Severnogo kraya* [Transactions of the Vologda Society for the Study of the Northern Krai], iss. 9, edited by V.A. Sablin, 111–13. Vologda: Drevnosti Severa, 2001. Accessed February 5, 2024. <https://www.booksite.ru/fulltext/9vo/isk/7.htm> (In Russian)

Ezhova, G.V. "Velikaya Otechestvennaya voina i antifashistskoe dvizhenie 'Svobodnaya Germaniya': istoriko-sravnitel'nyi analiz rossiiskoi i nemetskoi literatury" [The Great Patriotic War and the antifascist movement for a Free Germany: A historical and comparative analysis of Russian and German literature]. Doctoral diss., North-West Academy of Public Administration, 1998. (In Russian)

Fleischhacker, H. *Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Der Faktor Hunger. Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges*, herausgegeben von E. Maschke, Bd. 3. München-Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1965.

Galitskii, V.P. “Vrazheskie voennoplennye v SSSR (1941–1945)” [Enemy prisoners of war in the USSR (1941–1945)]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 9 (1990): 39–46. (In Russian)

Galitskii, V.P. *Finskie voennoplennye v lageryakh NKVD (1939–1953 gg.)* [Finnish prisoners of war in the NKVD camps (1939–1953)]. Moscow: Graal', 1997. (In Russian)

Gintsberg, L.I. *Bor'ba nemetskikh patriotov protiv fashizma. 1939–1945* [The struggle of German patriots against fascism. 1939–1945]. Moscow: Nauka, 1987. (In Russian)

Hilger, A. *Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, 1941–1956: Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung*. Essen: Klartext-Verlag, 2000.

Hoffmann, Y. *Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945*. München: Verlag für Wehrwissenschaften, 1995.

Karner, S. *Arhipelag GUPVI: plen i internirovanie v Sovetskom Soyuze. 1941–1956* [GUPVI Archipelago: Captivity and internment in the Soviet Union. 1941–1956], translated from German by O. Aspisova. Moscow: RGGU, 2002. (In Russian)

Konasov, V.B. *Sud'by nemetskikh voennoplennykh v SSSR: diplomaticheskie, pravovye i politicheskie aspekty problemy. Oчерki i dokumenty* [The fate of German prisoners of war in the USSR: Diplomatic, legal and political aspects of the problem. Essays and documents]. Vologda: Izdatel'stvo Vologodskogo instituta povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki pedagogicheskikh kadrov, 1996. (In Russian)

Konasov, V.B., and A.L. Kuz'minykh. *Finskie voennoplennye Vtoroi mirovoi voiny na Evropeiskom Severe (1939–1955). Oчерki i dokumenty* [Finnish prisoners of World War II in the European North (1939–1955). Essays and documents]. Vologda: Vologodskii institut razvitiya obrazovaniya, 2002. (In Russian)

Konasov, V.B., and A.L. Kuz'minykh. *Nemetskie voennoplennye v SSSR: istoriografiya, bibliografiya, spravochno-ponyatiinyi apparat* [German prisoners of war in the USSR: Historiography, bibliography, references and conceptual framework]. Vologda: Vologodskii institut razvitiya obrazovaniya, 2002. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L. *Arhipelag GUPVI na Evropeiskom Severe SSSR (1939–1949 gg.)* [The GUPVI archipelago in the North of the European USSR (1939–1949)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2017. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L. “Cherepovets Prisoner-of-War Camp No. 158 (1942–1948): Structure, Population, Production Activity.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 4 (2023): 1405–77. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-7>

Kuz'minykh, A.L. “Inostrannye voennoplennye Vtoroi mirovoi voiny v SSSR: istoriograficheskii aspekt problem” [Foreign prisoners of the Second World War in the USSR: Historiographical aspect of the problem]. In *SSSR, ego soyuzniki i protivniki vo Vtoroi mirovoi voine: politicheskii diskurs, istoriograficheskie diskussii, problemy prepodavaniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, priurochennoi k 65-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. (21–22 aprelya 2010 g.)* [The USSR, its allies and enemies in the Second World War: Political discourse, historiographical discussions, teaching problems: Proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the 65th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 (April 21–22, 2010)], 230–37. Moscow: RGGU, 2010. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L. *Inostrannye voennoplennye Vtoroi mirovoi voiny na Evropeiskom Severe SSSR (1939–1949 gg.)* [Foreign prisoners of the Second World War in the North of the European USSR (1939–1949)]. Vologda: Knizhnoe nasledie, 2005. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L. “Lagerya dlya voennoplennykh i internirovannykh v Vologodskoi oblasti v 1939–1949 gg.” [Camps for prisoners of war and internees in Vologda Oblast in 1939–1949]. In *Istoriya penitentsiarnykh uchrezhdenii Vologodskogo kraia* [History of penitentiary institutions of the Vologda region], edited by A.L. Kuz'minykh, and N.S. Oboturova, 176–228. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2023. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L. “Sovetskii voennyi plen i internirovanie kak istoriograficheskaya problema” [Soviet military captivity and internment as a historiographical problem]. *Rossiiskaya istoriya*, no. 3 (2012): 158–74. (In Russian)

Kuz'minykh, A.L. *Voennyi plen i internirovanie v SSSR (1939–1956 gody)* [Military captivity and internment in the USSR (1939–1956)]. Vologda: Drevnosti Severa, 2016. (In Russian)

Kuz'minykh A.L., S.I. Starostin, and A.B. Sychev. “*Teper' ya pribyl na kraj sveta...*” [“Now I have come to the ends of the Earth...”], 2 vols. Vologda: [n. p.], 2009. (In Russian)

Maierov S., ed. *Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza v period Otechestvennoi voiny: Dokumenty i materialy* [Foreign policy of the Soviet Union during the Great Patriotic War: Documents and materials], 3 vols. Vol. 2, *1 yanvarya – 31 dekabrya 1944 g.* [January 1 – December 31, 1944]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1946. (In Russian)

Pogrebnoi, N.G. “Uchastie nemetskiikh antifashistov v boyakh protiv gitlerovskikh zakhvatchikov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny” [Participation of German antifascists in the battles against the Nazi invaders during the Great Patriotic War]. *Ukrainskii istoricheskii zhurnal*, no. 2 (1964): 64–69. (In Russian)

Ratza, W. *Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Der Faktor Arbeit. Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges*, Bd. 4. München-Bielefeld: Giesecking, 1973.

Robel, G. *Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Antifa. Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges*, herausgegeben von E. Maschke. München-Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1974.

Russkii arkhiv. Velikaya Otechestvennaya [Russian archive. The Great Patriotic War]. Vol. 24 (13–1), *Inostrannye voennoplennye Vtoroi mirovoi voiny v SSSR: normativnye dokumenty* [Foreign prisoners of the Second World War in the USSR: Regulatory documents], compiled by V.N. Vartanov et al. Moscow: TERRA, 1996. (In Russian)

Rybalkin, Yu.E. “Ispanskii voennoplennye Vtoroi mirovoi voiny v SSSR” [Spanish prisoners of the Second World War in the USSR]. In *Problemy voennogo plena: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Vologda, 23–25 oktyabrya 1997 g.)* [Problems of military captivity: History and modernity: Proceedings of the International scientific and practical conference (Vologda, October 23–25, 1997)], 2 pts, edited by E.A. Poromonov et al, pt. 2, 247–51. Vologda: Izdatel'stvo Vologodskogo instituta povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki pedagogicheskikh kadrov, 1997. (In Russian)

Sharkov, A.V. *Arhipelag GUPVI: voennoplennye i internirovannye na territorii Belarusi: 1944–1954 gg.* [The GUPVI archipelago: prisoners of war and internees in the territory of Belarus: 1944–1951]. Minsk: Tesei, 2003. (In Russian)

Schwarz, W. *Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Aus dem kulturellen Leben. Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges*, herausgegeben von E. Maschke. München-Bielefeld: E. und W. Giesecking, 1969.

Sidorov, S.G. *Trud voennoplennykh v SSSR, 1939–1956 gg.* [Labor of prisoners of war in the USSR, 1939–1956]. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001. (In Russian)

Steidle, L. *Ot Volgi do Veimara: Memuary nemetskogo polkovnika, komandira 6-i armii Paulyusa* [From the Volga to Weimar: Memoirs of a German colonel, a commander in the Paulus' 6th Army], translated from German by N.M. Gnedina, and M.P. Sokolov. Moscow: Progress, 1973. (In Russian)

Suslov, A.B. *Spetskontingent v Permskoi oblasti (1929–1953 gg.)* [Prisoners in Perm Oblast (1929–1953)]. Moscow: ROSSPEN, 2010. (In Russian)

Vsevolodov, V.A. “*Srok khraneniya – postoyanno!*” *Kratkaya istoriya lagerya voennoplennykh i internirovannykh UPVI NKVD SSSR № 27 (1942–1950)* [“For permanent storage!” A brief history of the prisoner-of-war and internment camp of the UPVI NKVD-MVD USSR no. 27 (1942–1950)]. Moscow: Moskovskii izdatel'skii dom, 2003. (In Russian)

Vsevolodov, V.A. “*Stupaite s mirom*”: *k istorii repatriatsii nemetskikh voennoplennykh iz SSSR (1945–1958 gg.)* [“Go in peace”: On the history of repatriation of German prisoners of war from the USSR (1945–1958)]. Moscow: Moskovskii izdatel'skii dom, 2010. (In Russian)

Zagorul'ko, M.M., S.G. Sidorov, and T.V. Tsarevskaya. *Voennoplennye v SSSR. 1939–1956: dokumenty i materialy* [Prisoners of war in the USSR. 1939–1956: Documents and materials]. Moscow: Logos, 2000. (In Russian)

“*Zhivem – ne raduemysya...*” (O golode na Evropeiskom Severe v period Velikoi Otechestvennoi voiny)” [‘We live but do not rejoice...’ (About famine in the European North during the Great Patriotic War)], introductory article and commentary by V.G. Nechepa. In *Russkoe proshloe: Istoriko-kul'turnyi al'manakh* [The Russian past: historical and cultural almanac], bk. 7, edited by A.V. Tereshchuk, 349–57. St Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1996. (In Russian)

Информация об авторе

Александр Леонидович Кузьминых – доктор исторических наук, профессор кафедры философии и истории, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>, istorial@mail.ru, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний (д. 2, ул. Щетинина, 160002 Вологда, Россия).

Information about the author

Aleksandr L. Kuz'minykh – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and History, <https://orcid.org/0000-0001-6133-0300>, istorial@mail.ru, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (2, ul. Shchetinina, 160002 Vologda, Russia).

Статья поступила в редакцию 12.03.2024; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 25.04.2024.

The article was submitted 12.03.2024; approved after reviewing 09.04.2024; accepted for publication 25.04.2024.